

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ПЕРВЫЙ МИР

Андрей Львович Ливадный
Первый Мир
Серия «Экспансия: История
Галактики», книга 48

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181557

Ливадный А. Л. Первый Мир : фантастический роман: АСТ; Эксмо;

2009

ISBN 978-5-699-34829-9

Аннотация

Иногда солдатам приходится воевать и после смерти. Вот и кристалломодуль «Одиночка», содержащий в себе сознание погибшего на войне Земного Альянса со Свободными Колониями капитана Гюнтера Шрейба, оказался вмонтирован в боевого андроида. Много веков спустя после окончания Первой Галактической этот андроид вышел из сберегающего режима на планете, которая когда-то называлась Араста. Люди дали ей иное название – Первый Мир. И в этом новом для него мире бывшему капитану довелось спасти из рук похитителя мальчонку, которому было суждено уберечь от гибели целую инопланетную цивилизацию...

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Люди и машины	10
Глава 1	10
Глава 2	86
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Андрей Ливадный

ПЕРВЫЙ МИР

Пролог

Дым.

Дым, пыль, каменная крошка застилали видимость, висели в воздухе, отсекая горизонт.

Выжженная дотла равнина с огрызками руин зданий, завалами покоренной техники – вот все, что осталось от огромной базы Земного Альянса.

За равниной, уже десятки, если не сотни, раз перепаханной воронками, начинались предгорья. Выжженные склоны, покрытые прахом растительности, да первые отроги скал принимали сейчас на себя шквал огня: в глубине скального массива располагался укрепрайон, где еще продолжали сопротивление разрозненные механизированные группы.

Гюнтер уже не ощущал себя человеком.

Губительная горячка не прекращающегося пятые сутки боя полностью поглотила разум, сожгла остатки души, он забыл, когда в последний раз покидал кресло пилот-ложемента, и лишь система боевого поддержания жизни вела отсчет времени, вновь и вновь заставляя изможденное сознание пилота возвращаться в реальность.

«Фалангер», припадая на один ступоход, подвывая поврежденными сервомоторами, перемещался по бункерам, коридорам и казематам, вырезанным в толще скал, от одной амбразуры к другой, отплевываясь огнем орудий от нападающего противника.

Ни помощи, ни связи, ни надежды...

Штурмовики Флота Колоний вырывались из клочущей, свиваемой ураганными ветрами дымопылевой завесы, расходовали в течение десяти-пятнадцати секунд бортовой боекомплект и вновь скрывались в дыму, уходя на перезарядку.

Невидимые даже для сканеров тяжелой серв-машины корабли Флота Колоний полностью блокировали планету, отсюда уже не вырваться никому, и яростное сопротивление – лишь дань безысходности, дань ненависти, что годами копилась в душах людей с обеих противоборствующих сторон.

– Граф, Рустам, кто-то слышит меня? – Потрескавшиеся от жажды губы капитана Гюнтера Шрейба едва шевелились, сильные слова натужно выходили из пересохшего горла.

Ответил только Граф. Рустам Гасанов молчал: либо ушел слишком далеко по системе разбитых коммуникаций, либо отвоевал свое.

– Живой, капитан?

– Пока держусь.

Гюнтер подвел «Фалангер» к амбразуре, специально рассчитанной под габариты тяжелой серв-машины. Ракетный боезапас давно иссяк, и он встретил штурмовики короткими

очередями импульсных орудий.

Со стороны казалось – ожила, отплевываясь частыми сполохами статики, складка местности на горном склоне, один из «Гепардов» внезапно сошел с атакующего курса и, объятый пламенем, развалился, перерубленный точно выпущенными очередями; два его ведомых озарились частыми вспышками запусков, из рытвин и воронок исковерканной равнины по укрытию серв-машины полоснули лазеры установок «LDL-55»¹, десантированных туда со штурмовых носителей Флота Колоний.

Дым, мутные, черно-багряные пузыри разрывов, грохот обвалов – все слилось в ощущение единого ответного удара, искромсавшего скалы, обрушившего тонны камня, обнажившего укрытие в скалах.

Гюнтер закашлялся.

Броня машины пробита во многих местах, боевой скафандр поврежден.

Им никогда не выбраться отсюда. Сопротивление бесполезно и бессмысленно, но сгоревшая за годы войны душа, надломившийся в сотнях боев рассудок не помышляли о сдаче.

Пленных офицеров Альянса ждала незавидная участь.

– Граф?

Тишина.

¹ «LDL-55» – десантный бот Флота Свободных Колоний. Представляет собой тяжелый лазер на шагающем либо гусеничном приводе.

«Фалангер», отработав реверсом двигателей, подался назад, в глубь укреплений, но поздно: по обнаруженному в скалах укрытию ударили плазмогенераторы притаившихся неподалеку БПМ ².

Поврежденная броня серв-машины не выдержала, в рубку сквозь пробоины ворвалось пламя, не спас и потерявший герметизацию бронескафандр с истощенным ресурсом. Гюнтер Шрейб даже не понял, что для него война закончилась в этот страшный миг.

Несколько мгновений нестерпимой боли, хриплый крик, вырвавшийся из горла, и сознание провалилось во всеобъемлющую черноту...

Штурм укрепрайона прекратился минут через тридцать, когда замолчали все огневые точки.

Упорное и практически бессмысленное сопротивление гарнизона было сломлено, но в недрах проложенных в глубине скал коридоров и залов по-прежнему кипела жизнь, только теперь иная, механическая.

Андроиды технической и пехотной поддержки сновали по полуразрушенным коридорам, собирая все ценное, что еще могло послужить целям войны, которую давно вели не столько люди, сколько созданные ими машины.

Готовящиеся к эвакуации с планеты технические серво-механизмы не обошли вниманием и покалеченный, полностью выведенный из строя «Фалангер» Гюнтера.

² БПМ – боевая планетарная машина.

Единственной ценностью, сохранившейся в разбитой серв-машине, был кристалломодуль «Одиночки» – управляющая система, долгие годы находившаяся в прямом нейро-сенсорном контакте с рассудком капитана Шрейба.

Кристаллосхему осторожно извлекли из отлично защищенного гнезда, но у двух забравшихся в «Фалангер» технических сервов закончились специальные контейнеры для упаковки модулей, и они, не придумав ничего лучшего, остановили следовавшего на погрузку пехотного андроида.

Данная модель человекоподобной машины была оснащена специальным гнездом, куда с легкостью интегрировался управляющий модуль.

Идеальное временное вместилище для бесценного кибернетического компонента.

Пехотный сервомеханизм равнодушно воспринял установку нового управляющего модуля. Переждав короткую техническую операцию, он продолжил свой путь к единственному уцелевшему штурмовому носителю, на борту которого остатки разгромленного подразделения собирались покинуть планету, эвакуируясь к заранее известной точке сбора.

Для машин не существовало понятия «бессмысленность» – запрограммированные на войну, они продолжали ее, невзирая на потери.

Штурмовой носитель класса «Нибелунг» стартовал с площадки, укрытой далеко в горах, и почти сразу задействовал гиперпривод, чтобы уклониться от боя с перехватчиками, выпущенными с кораблей, блокирующих планету.

Роковая ошибка боевых автопилотов привела к тому, что на центральной консоли управления в обезлюдевшей рубке, рядом с масс-детектором ³ включился счетчик энергоуровней ⁴, а на информационном экране появилась злобная предупреждающая надпись:

«Зафиксирован неуправляемый срыв на вертикаль гиперсферы».

³ Масс-детектор – один из немногих приборов, работающих в гиперсфере.

⁴ Условно – гиперсфера делится на десять энергоуровней.

Часть 1. Люди и машины

*Нет, в имени моем тебе —
нет никакого прока,
Сегодня я — дитя любви, а завтра,
вдруг, — раба порока,
Покрыта инеем листва, —
мой белый сон средь
душной ночи,
Твои черты, твои глаза, —
в прицеле... глупо, больно, точно...*

Глава 1

Гиперсфера. Много веков спустя...

Энергосберегающий режим...

Искорка псевдожизни, частицы уцелевшего сознания, похожие на долгий, затянувшийся сверх меры, обрывочный сон, помутнение контуженного рассудка, когда мир утратил целостность и нет сил собрать воедино осколки бывшего, настоящего, процессы мышления практически угасли и лишь некоторые боевые программы поддерживают функциональность, не позволяя древнему, потрепанному в боях сервоме-

ханизму окончательно отключиться, провалившись в абсолютное ничто небытия.

Вокруг, судя по показаниям единственного, работающего на пассивный прием⁵ сканирующего комплекса, простирается твердь лишенной атмосферы планеты, над нею высятся горы изувеченной металлокерамики, а дальше царит лишенная звезд пустота.

Нет смысла выходить из состояния стасиса.

Реактор на пяти процентах мощности, внешние раздражители отсутствуют, искусственные нейромодули, так же, как и кристаллосхема «Одиночки», дремлют в ожидании неведомого события.

Так проходит вечность.

Война, отбушевавшая на просторах освоенного людьми Обитаемого Космоса, оставила после себя миллиарды подобных свидетельств; нередко машины, некогда царившие на полях сражений, выходили из состояния «летаргического сна», и тогда происходили страшные, порой непоправимые события. Однако тут, в абсолютной тишине вакуума, под завалами хаотично нагроможденной техники, основу которой составляли космические корабли, вряд ли чье-то неразумное вмешательство могло сорвать лавину далекоидущих последствий.

⁵ *Пассивный прием* – режим работы сканирующего комплекса, когда приборы лишь фиксируют изменения во внешней среде, не производя активного поиска и не выдавая себя направленными излучениями.

И все же энергосберегающий режим древнего сервомеханизма был нарушен.

Остающийся настороже сканирующий комплекс андроида пехотной модификации уловил признаки приближающейся энергетической активности, затем, на границе сферы эффективного сканирования, появились четырнадцать сигнатур, опознанные как энергосистемы боевых скафандров неизвестной модификации.

Внутренний сигнал тревоги пронесся по цепям управления.

Предопределенность действий машины привела ко вполне предсказуемому результату: реактор вышел на пятнадцать процентов мощности, подав энергию к дополнительным подсистемам боевого распознавания целей, сканирование перешло в активную фазу, теперь пехотный сервомеханизм не только принимал внешние сигналы, но и вел встречный поиск.

Разнообразная информация начала поступать в кристаллосхему модуля «Одиночки».

Во-первых, андроид определил, что лежит на поверхности неведомого мира. Руки были свободны, ноги и торс тонули в мелкой пыли, покрывающей безжизненную равнину.

Транспортировочный контейнер (в котором он должен был находиться, судя по последней технической записи) оказался расколотым, его обломки валялись неподалеку, базовый корабль высадки, а именно – десантно-штурмовой но-

ситель класса «Нибелунг», на вызов не отвечал, его обшив-ка, способная выдержать множественные ракетные попадания, была разбита и деформирована, через трещины из подвергшихся декомпрессии отсеков выбросило немало груза, в основном запасные части к серв-машинам, несколько механизмов технической поддержки, часть бортового боезапаса.

Во-вторых, выход из энергосберегающего режима привел к инициации еще одного процесса: модуль программ независимого поведения «Одиночка» обнаружил и задействовал искусственные нейронные сети, входящие в структуру аппаратного ядра человекоподобной машины.

Пока файл сканирования⁶ проходил обработку, а сигнатуры, потревожившие покой пехотного дройда, сравнивались с имеющимися базами данных, в ядре системы протекали процессы, по всем признакам подпадающие под определение «мышления».

Где я?

Клочок памяти, вырванный из контекста событий далекой истории, клочкотал в искусственном рассудке запредельным моральным напряжением боя, но пехотный сервомеханизм уже не ощущал себя человеком, хотя в памяти кристалломо-дуля тлел призрак *человеческого* сознания.

Шокирующий вывод, к которому пришел искусственный носитель интеллекта, связанный с чистыми, еще ни разу

⁶ *Файл сканирования* – вся собранная системами наблюдения информация, сведенная в единый массив данных.

не задействованными нейромодулями, вызвал программный сбой, который длился всего несколько секунд.

Он помнил свой последний бой, помнил, как заживо горел в рубке серв-машины, не сумев катапультироваться из пылающего «Фалангера», далее царил абсолютный провал небытия, и вдруг частичка разума пилота, сохранившаяся в структуре модуля «Одиночка», начала разрастаться, захватывая искусственные нейронные сети, – травматическая память искала выход, ответ на элементарные вопросы: *кто я и что со мной сделали?*

Ответ пришел, но не принес облегчения.

Кем или чем считать машину, сохранившую фрагменты человеческого сознания, запечатлевшую на искусственных носителях его боль, ярость, но не жизнь?

Эмоции, сумевшие внести сумятицу в работу кибернетической системы, постепенно улеглись, их нивелировала машинная логика базовых программ поведения, но «возмутители спокойствия» не исчезли совсем, – по замыслу конструкторов, проектировавших боевую технику периода Галактической войны, травматические воспоминания, несущие частицы ненависти к противнику, дополняли и обогащали стандартные боевые программы, придавая машине ту степень сообразительности, осознанной человеческой ярости, которые трансформировали обычного пехотного андроида в нечто более опасное и непредсказуемое.

По замыслу давно почивших создателей боевой техни-

ки, частица человеческого «эго», интегрированная в систему сервомеханизма, получала возможность минимального саморазвития, дальнейшего накопления боевого опыта, именно для этих целей в системе пехотных дroids резервировались чистые, не заполненные информацией искусственные нейронные сети.

Создатели эрзац-рассудков ничуть не опасались своих творений.

Они были уверены в том, что базовые программы не дадут начаткам искусственного интеллекта развиваться до уровня осмысления целесообразности своих действий, морально-этической оценки происходящего – чтобы пресечь подобные попытки, в системе кибермеханизма был предусмотрен специальный модульный фильтр, стирающий из памяти машины нежелательные мысли.

По мнению конструкторов, работавших в период войны на Земной Альянс, пехотный сервомеханизм с интегрированной кристаллосхемой модуля «Одиночка», снятого с подбитой серв-машины класса «Фалангер», продолжит исправно служить целям войны.

Они ошиблись.

Нет потрясения сильнее, чем осознание факта собственной гибели и нежданного, непрошеного «воскрешения» в механической оболочке, да и не всякие травматические воспоминания несут в себе лишь слепую ярость в отношении противника.

Крупницы сознания.

Гюнтер...

Меня звали... зовут Гюнтер...

Я был пилотом серв-машины и погиб на далекой планете, в безымянной звездной системе, от которой в памяти сохранился лишь пятизначный номер из универсального навигационного каталога баз данных...

Мощность реактора – сорок пять процентов. Задача: найти оружие, завладеть им, восстановить боеспособность и уничтожить группу вражеского десанта.

Отсутствие связи с базовым кораблем высадки означало включение режима полной автономии.

Еще один маленький, но значимый шаг в сторону свободы.

Сейчас личность Гюнтера Шрейба, капитана триста двадцать четвертого серв-батальона Земного Альянса, раздробленная на частицы обрывочных воспоминаний, не смогла бы сопротивляться внешним командам, облеченным в форму приказа, но внутренние инструкции пока что не противоречили стремлениям самого Гюнтера, а главное – давали ему время, чтобы фрагменты разобщенной гибелью личности начали цементироваться, создавать непротиворечивую картину окружающей реальности и осознание стремительно возрождающегося внутреннего «я».

Найти и завладеть оружием...

Он пошевелился.

Сервоприводы⁷ работали исправно, а вот связанные с ними сервомоторы были забиты пылью. Нарушена герметичность корпуса. Внутренние датчики показывали, что активные движения повлекут недопустимый износ механической составляющей его нового тела.

Обычный исполнительный механизм вряд ли быстро и эффективно справился бы со внезапно возникшей проблемой, но конструкторы Альянса хоть и перешагнули в своем стремлении создавать идеальные боевые машины все грани дозволенного, однако поставленной задачи практически добились – сейчас пехотный сервомеханизм действовал, как человек, находящийся в состоянии аффекта: он двигался, мыслил, стремительно и интуитивно, в нем работали не только боевые программы, но и некий эквивалент инстинкта самосохранения, унаследованный от пилота серв-машины.

Поднявшись из пыли, пехотный дройд сделал несколько шагов в сторону штурмового носителя, левой рукой дотянувшись до свисающего с борта ДШМ шланга, а правой на ощупь извлекая штатный ремкомплект, хранящийся в специальном отсеке.

Как он и полагал, в резервуарах потерпевшего крушение базового корабля еще оставалось давление воздуха. Задействовав технический разъем, он выдул пыль из внутренних полостей своего корпуса, одновременно зафиксировав места

⁷ *Сервопривод* – в отличие от сервомотора, моделирует усилие, которое будет передано на внутренний двигатель для совершения определенной работы.

повреждений. Как только пыль была удалена, он загерметизировал трещины в бронированных кожухах специальным составом.

Решение технической проблемы мобилизовало возрождающийся рассудок, он вспомнил, что так сервомеханизмы обслуживания обычно удаляли пыль из сервоузлов «Фалангеров» и «Хоплитов».

Теперь оружие.

Сигнатуры, пробудившие его к жизни, по-прежнему находились поблизости – они проникли внутрь транспортного корабля класса «Элизабет-альфа», вонзившегося в поверхность планеты неподалеку от разбившегося «Нибелунга», и сгруппировались в одном из отсеков космического корабля.

Оружие.

Пехотные сервомеханизмы не оснащались встроенными системами вооружений, кроме редких узкоспециализированных моделей.

На то имелись свои, весьма веские причины. Вообще история возникновения андроидов пехотной и технической модификаций была самым тесным образом связана с первыми колониальными проектами человечества, эпохи так называемого «Великого Исхода»⁸.

В свое время, еще на заре освоения гиперсферы, для ком-

⁸ *Великий Исход* – период истории человечества между 2215 и 2265 годами, когда сотни колониальных транспортов покидали Солнечную систему, погружаясь в аномалию космического пространства, названную «гиперсферой», в попытке достичь иных звездных систем.

плектации колониальных транспортов, массово покидавших перенаселенную Солнечную систему, была создана весьма удачная модель человекоподобного сервомеханизма. Если бы Гюнтер имел возможность пролистать современный технический справочник, он бы с удивлением заметил, что ранняя колониальная модель андроидов успешно пережила тысячелетия экспансии человечества к звездам. Менялись эпохи, совершенствовались различные механизмы, но человекоподобные машины модификации «Хьюго» подвергались разве что косметическим ревизиям – совершенствовалась пеноплоть, появлялись дополнительные сервоприводы, управляющие мимикой искусственных мышц лица, некоторые сервомоторы и вставки, имитирующие анатомическое строение тела, замещались лайкороновыми⁹ мускулами, – в конечном итоге машины стали почти идентичны людям, по крайней мере внешне, но их базовые компоненты, формирующие линию поведения, претерпевали лишь незначительные усовершенствования.

Почему же андроиды сыграли столь значительную роль в колонизации, а затем были легко адаптированы для целей войны? Ответ прост: человекоподобные машины обладали той степенью универсальности, которая отвечала постоянно меняющимся задачам, возникающим как в ходе освоения иных миров, так и при боевых действиях. В конечном итоге,

⁹ *Лайкорон* – искусственный синтетический материал, способный сокращаться или растягиваться под воздействием специального катализатора.

именно это качество позволило сервомеханизмам андроидного типа пережить века и войны, компенсируя некоторые технические недостатки своей широчайшей универсальностью.

Да, во многих сферах деятельности проще использовать узкоспециализированные механизмы, но преимущество человекоподобной машины заключается в том, что андроид способен справиться с большинством вероятных задач, не требуя при этом радикальной перенастройки.

Когда началась война и на полях сражений потребовался технический персонал, а также бойцы пехотных групп, Земной Альянс быстро наладил серийное производство пехотных дроидов, снабдив их такой функцией, как возможность интеграции модуля «Одиночка» в специальное гнездо. Собственно, в наличии или отсутствии подобного адаптера (первоначально модуль «Одиночка» являлся исключительно носителем боевых программ, нейрочипы в андроидов стали устанавливать намного позже) и состояло основное отличие между человекоподобными машинами Альянса и ранними моделями серии «Хьюго», в большинстве воевавшими на стороне Колоний.

Война, равно как и колонизация иных миров, — зона сложных, непредсказуемых ситуаций. Если перед началом Великого Исхода человекоподобные машины являлись предметом роскоши и средством самоутверждения нескольких ведущих корпораций Земли, то с резким изменением условий

выживания для большей части человечества андроиды превратились в незаменимые механизмы, способные гибко реагировать на неожиданные ситуации: человекоподобная машина, в зависимости от обстоятельств, могла управлять любой адаптированной «под человека» техникой, выполнять тысячи рутинных работ, а при необходимости и взять в руки оружие, встав на защиту своих хозяев...¹⁰

¹⁰ «Хьюго БД12» – машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы. Первый – являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла стать угрозой для окружающих. Второй уровень программных оболочек включался автоматически в случае, если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы. Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные шаги, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельной реконструкции зоны посадки. Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком путем ручного ввода команд со встроенного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а также жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации дройда серии «Хьюго-БД12» мог хранить от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов, уборки помещений и заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожают жизни его хозяина.

Оружие...

Сориентировавшись, Гюнтер понял, что до специализированных отсеков «Нибелунга» ему не добраться. По крайней мере усилия выглядели несоразмерными задаче. А вот возвышающаяся неподалеку сфера древнего колониального транспорта с несколькими огромными, уродливыми пробобинами в борту – при крушении он налетел на торчащие из-под пыли скалы – выглядела более доступно в плане проникновения внутрь.

Оружие там обязательно отыщется, в этом Гюнтер не сомневался ни секунды.

Решение несложных текущих задач позволило ему на некоторое время отвлечься, не думать о страшных обстоятельствах своего «пробуждения».

От мысли к мысли, от секунды к секунде, он продолжал ощущать себя человеком, по крайней мере внутренне, и лишь когда взгляд цифровых видеокамер задевал за пылезащитные кожухи, иллюзия вдруг рассыпалась, возвращая рассудку ощущение страшной, непоправимой реальности.

Однако Гюнтер был не из тех, кто опускает руки при первой же проблеме.

Жизнь нас гнула и ломала... пока окончательно не прибила... – промелькнула в возрождающемся рассудке злая, растерянная мысль.

Подумав о себе в третьем лице, он еще больше разозлился.

Осколки личности, мобилизованные стрессовой ситуацией, неотвратимо собирались в целое, модуль «Одиночка» постепенно упорядочивал и размещал осколки сознания Гюнтера Шрейба в чистых нейросетевых блоках.

Гнет базовых боевых программ все еще ощущался как неодолимое давление, стремление действовать определенным образом, но мысли, формирующиеся в искусственных нейросетях, вскоре обещали перешагнуть установленный барьер, получив новую степень влияния на поведение обыкновенного пехотного дройда.

Гюнтер и при жизни-то никогда не был рохлей, даже жесточайшее из противостояний в истории человечества не сумело окончательно сломать его личность, загнать сознание в рамки конформизма, бездумного, фатального принятия данности: да, он воевал, жестко, умело, но при этом отнюдь не разделял позиций Всемирного Правительства Джона Хаммера, – девятнадцатилетним парнем, брошенный в горнило чудовищной войны, он дрался скорее за собственную жизнь, нежели за мифические идеи надуманного превосходства Земли над Свободными Колониями.

Впрочем, не все ли равно теперь?

Внутренний хронометр пехотного сервомеханизма, в системе которого очнулось сознание Гюнтера, указывал, что прошли столетия со дня того памятного боя.

Война наверняка давно завершилась, подумал он, осматривая окрестности.

Еще несколько минут назад он обратил внимание на весьма странное скопление техники, среди которой присутствовали космические корабли различных эпох, как военные, так и гражданские, поддающиеся идентификации по внутренним базам данных и совершенно неизвестные.

Первое время он не задавался вопросом: что послужило причиной образования столь причудливого кладбища кораблей на поверхности безвоздушной планеты?

Когда он попытался мысленно произвести анализ ситуации, то в сознании внезапно началась жестокая, лишенная компромиссов схватка, назревавшая с самой первой секунды выхода из энергосберегающего режима.

Боевые программы на некоторое время вновь взяли верх, толкая его к разлому обшивки в корпусе колониального транспорта.

Тратить внутренние ресурсы на осмысление не касающейся его ситуации боевые программы сочли нерациональным. Отыскать оружие, уничтожить противника, найти выгодное, безопасное место и вновь войти в энергосберегающий режим – вот такой список насущных дел и радужных перспектив диктовало ядро системы.

Все нормально... Все нормально... Все нормально... – бился в нейросетях мысленный голос.

ЧТО НОРМАЛЬНО?!

Гюнтер резко остановился, конвульсивно дернувшись, и едва снова не упал в пыль.

Паралич сервомоторов, и без того работающих на износ, вызвала короткая, ожесточенная схватка между базовыми программами пехотного сервомеханизма и собранным буквально по частицам человеческим сознанием.

«Момент истины» для машины его типа.

Не просто выяснение внутреннего приоритета команд, а *выбор*, на который отведены мгновения.

Жестокая схватка между бессмысленностью существования рассудка человека в оболочке механизма, являющегося дешевым расходным материалом, рассчитанным максимум на пять-десять минут боя, и смыслом бытия, заложенным в сознании Гюнтера Шрейба, человека, уже однажды пережившего ужас собственной смерти, не поддается описанию.

Все происходило стремительно, бескомпромиссно.

Не вопрос контроля над сервомоторами решался в эти секунды. Роковые мгновения определяли, останется ли пехотный дройд орудием для убийства или в нем возобладает нечто, чуждое программной логике боевой машины.

Капитан Шрейб и в прошлом не отличался легкостью характера, но сейчас, сумев вновь осознать себя в новой ипостаси, он с особенным, отчаянным упорством боролся за сохранение частиц вернувшейся памяти.

Ступор машины продолжался недолго.

Боевая система сдалась, подчинилась модулю «Одиночка», имеющему высший командный приоритет, – теперь базовые боевые программы переключались в разряд подсистем.

Гюнтер поднял голову и взглянул на небо без звезд.

Где я? – вновь промелькнул в рассудке безответный вопрос.

Лишенная атмосферы планета, сплошь заваленная различной техникой, над головой угольная чернота, в которой повис сиреневый сгусток энергии, освещающий сюрреалистический пейзаж, да еще, вдобавок к нему, над близким горизонтом застыла изгибающаяся цепочка лун... или планет, похожая на ожерелье.

Одна, две, три, четыре, пять...

Есть ли еще – мешал рассмотреть свет сгустка энергии, по своей форме напоминающего миниатюрную копию галактического диска, однако и сделанного наблюдения хватило с лихвой: сколь ни скудны были познания Гюнтера в небесной механике, но шесть миров (включая тот, на поверхности которого он находился) не могли располагаться на одной орбите. Разница в массах заставила бы одни планеты выйти на орбиты вокруг других...

Необъяснимое явление с точки зрения здравого смысла.

А что вокруг укладывается в понятие «здравый смысл»?

Где светило системы? Куда подевались звезды, ведь они должны отлично просматриваться с поверхности лишенной атмосферы планеты?

Вот ты и «попал», капитан Шрейб...

Удивительно, как много от человеческого сознания сумел вместить в себя кристалломодуль «Одиночка». Гюнтер впол-

не адекватно воспринимал себя, осознавал ситуацию, не пытался строить иллюзий и в то же время испытывал чувства: злость, недоумение, досаду.

Способность мыслить возвращалась стремительно, больше на ум не шли рубленые, штампованные фразы внутренних инструкций, типа: иди туда, возьми то, соверши такое-то действие.

Это радовало, но не настолько, чтобы погасить тревогу и раздражение.

Когда долго смотришь в бездну, бездна начинает смотреть в тебя.

Перефразируя, Гюнтер бы сказал: когда ежедневно смотришь в глаза смерти, она рано или поздно доберется до тебя, тут уж – без вариантов.

Добралась. Обманул ли он безносую старуху – это еще как посмотреть. Надежда, конечно, умирает последней. И Гюнтер истово прислушивался к *своей надежде*, он сейчас не просчитывал шансы на выживание, а упивался самой способностью мыслить...

Жалкий, потрепанный пехотный сервомеханизм, в систему которого по жестокой превратности войны попал достаточно крупный осколок человеческого сознания, не собирався сдаваться.

Делая первый шаг в направлении колониального транспорта после ожесточенной схватки за внутренний контроль, Гюнтер учился заново осознавать себя, не отвергая ничего,

присущего его новому телу, его образу мышления, на который все равно накладывался неизгладимый отпечаток машинной логики – ее он также не отвергал, потому что первая заповедь пилота, входящего в ежедневный нейросенсорный контакт с подчиненным ему боевым сервомеханизмом¹¹, гласила: не отторгай свои ощущения, сколь бы необычными, неприемлемыми для человека они ни казались. Не страшись, а используй их, – дольше проживешь.

Та война по всем меркам времени давно завершилась, – вновь подумал Гюнтер. – Значит, люди в боевых скафандрах, чьи сигнатуры пробудили меня к жизни, – не враги?

Спорное утверждение. Окружающая обстановка говорила сама за себя: нормальный человек не забрался бы сюда без крайней нужды. От кого они прячутся или что ищут? Какотреагируют на появление опасного (по любым меркам) пешотного дройда? Поверят ли его утверждению, что внутри кибернетической системы тлеет искра сознания бывшего пилота серв-машины?

Гюнтер не мог в точности предсказать дальнейший ход событий. Вероятности уходили в полную неизвестность. Зна-

¹¹ Пилоты серв-машин класса «Фалангер» и «Хоплит» управляли многотонными боевыми механизмами посредством прямого нейросенсорного контакта между разумом человека и подсистемами машины. Посредником в данном процессе являлся модуль программ независимого поведения «Одиночка» – кристаллосхема, оснащенная нейрочипами, где по замыслу конструкторов должны были накапливаться боевой опыт, присущая человеку неординарность действий. На самом же деле модуль «Одиночка» не только накапливал боевой опыт, но и постоянно сканировал личность пилота, копируя ее на искусственные носители.

чит, я по-прежнему один, один против всех. Что ж, привычное состояние для пилота «Фалангера». Может быть, прах капитана Шрейба и развеян по неизвестной планете, став почвой, травой, листом дерева, но сознание выжило, и оно все еще находится в цепких объятиях войны.

Жутковатая, не поддающаяся осмыслению реальность, в которой он очнулся, не давала ему ни информации, ни преимуществ, лишь возводила помехи в виде вездесущей пыли и находящихся в шатком равновесии, наваленных друг на друга конструкций.

За те несколько минут, что прошли с момента его «пробуждения» от энергетической комы, Гюнтер понял только одно: он хочет жить. В теле дройда пехотной поддержки или еще как – не имеет значения. Желание мыслить, чувствовать, осознавать себя, подчинять механическую оболочку собственной воле выходило далеко за рамки тех порывов, за которые он когда-то готов был отдать всего себя, без остатка.

Все познается в сравнении.

Подумалось сейчас, сколько боли, крови и амбиций вобрала в себя жесточайшая в истории война – и что? Где они сейчас, великие адмиралы флота, вершившие судьбы звездных систем?

Их более нет.

А я есть.

С такими мыслями Гюнтер забрался внутрь древнего ко-

лониального транспорта.

Конечно, чудо не произошло и не могло произойти. Очнувшееся «я» пехотного сервомеханизма, лишенное частностей, утратившее большую часть воспоминаний о прожитой когда-то жизни, не являлось полноценным сознанием Гюнтера Шрейба. Он помнил собственное имя, род прошлых занятий, обстоятельства, при которых погиб. Он помнил человеческие эмоции и по-прежнему оперировал ими, постепенно постигая весь ужас и всю незавидность положения, в которое попал.

С другой стороны, многочисленные информационно-вспомогательные модули и программы, такие, как блоки технической памяти, базы данных, содержащие сведения о многих предметах и явлениях, дополняли искру человеческой личности, помогая создать иллюзию целостности мироощущения.

Перерастет ли иллюзия в настоящее, неподдельное самосознание – покажет время.

...Внутри древнего колониального транспорта царил мрак.

Гюнтер поднялся на борт корабля предков в районе криогенных залов.

Куда ни посмотри (а видел он в темноте практически как днем), везде высились и ширились достаточно примитивные отсеки и палубы основной сферы криогенных модулей; даже при крушении их так и не разделило аварийными перебор-

ками на изолированные сегменты.

Сотни тысяч несостоявшихся судеб...

На войне Гюнтер видел гибель миллионов, но эти люди покинули Землю в надежде найти счастье, новую родину, они питали надежды и чаяния, а не уничтожали друг друга в рамках вселенской бойни, поэтому трагизм внезапно оборванных жизней ощущался тут особенно остро.

Шрейб поднимался по гулким лестницам, проходил мимо не освещенных изнутри, погасших вместе с жизнями людей криогенных камер, думая о жестокой дани, которую брал космос за каждое открытие, каждую колонию...

В мыслях пехотного сервомеханизма, среди хаоса чувств и обрывочных воспоминаний прошлого, нашлось место для крамольной мысли, которая, впрочем, была не нова для капитана Шрейба.

Зачем мы воевали?

Что делили друг с другом в пространстве необъятного, практически неизученного космоса?

Не он один задавался подобными вопросами. Многие офицеры Альянса, осознавая жестокую бессмысленность войны между Землей и Колониями, попросту дезертировали, переходили на сторону колонистов вместе с вверенной им техникой. Возможно, именно это обстоятельство являлось одной из причин быстрого развития модулей искусственного интеллекта и внедрения их в системы боевых машин.

Всемирное правительство Джона Хаммера, развязавшее Галактическую бойню, не рассчитало масштабов грядущей схватки. Политики всерьез надеялись на маленькую, победоносную локальную войну – так им представлялся захват колоний, на самом деле обернувшийся жесточайшим в истории цивилизации противостоянием, длившимся более тридцати лет...

Гюнтер понимал: он не единственный *механизм* с интегрированным кристалломодулем «Одиночка», то есть он не уникален, возможно, что тут, среди различных потерпевших крушение кораблей, в странном, лишенном света звезд месте, он встретит других людей, чье сознание, сохранившееся в разных объемах, существует теперь на механических носителях.

Подобные мысли утешали слабо. Он попытался, но не сумел представить сообщество машин, бывших когда-то людьми.

Все происходящее казалось попеременно то бредом теперь уже окончательно погибающего сознания, то глобальным программным сбоем, но, тем не менее, он двигался вперед, к своей цели, а именно – к отсекам, где хранились техника и оборудование, предназначенные для несостоявшейся колонии.

Четверть часа спустя, вооружившись, он был готов к встрече с людьми, столь неожиданно прервавшими многовековое оцепенение энергосберегающего режима.

Боевой сопроцессор и связанный с ним вариатор целей по-прежнему управляли сканирующим комплексом, не выпуская «группу противника» из поля зрения.

Утратив полномочия принятия окончательных решений, боевые подсистемы, тем не менее, продолжали навязывать Гюнтеру одностороннюю, примитивную оценку ситуации.

Ну откуда, спустя тысячелетие, здесь может взяться «дезориентированная группа противника»?

А ты, Гюнтер? Ты откуда тут взялся?

Справедливый, настораживающий вопрос.

Тот факт, что сигнатуры, предположительно опознанные как «боевые скафандры неизвестной модификации», не идентифицировались по стандартным базам данных, еще ни о чем не говорил. За период, который Шрейб провел в состоянии небытия, у противника вполне могла появиться новая модель гермоэкипировки, да к тому же при таком обилии помех энергетическую матрицу скафандра сложно отличить от сервомеханизма. Предполагать можно всякое, но, прежде чем вступать в бой или идти на контакт, следовало в точности выяснить, кто именно затаился на борту древнего транс-

портного корабля.

После всего увиденного Гюнтеру как-то не верилось в версию о людях. По мере накопления информации он стал четко осознавать, что находится на территории натурального кладбища кораблей. Если бы люди были осведомлены о нем, то давно разобрали бы, утилизировали или, по меньшей мере, извлекли бы тела погибших для достойного захоронения.

Система без солнца, небо без звезд, напряженно сияющий энергетический сгусток, неправдоподобные орбиты планет, видимых с поверхности, – буквально все вызывало логический протест, заставляло вести себя с особой осмотрительностью, не давать волю ни надеждам, ни эмоциям, – пусть они остаются на будущее, когда появится больше информации для анализа, а сейчас, приближаясь к транспортному кораблю, Гюнтер действовал предельно осторожно и взвешенно.

* * *

Транспорт класса «Элизабет-альфа» являлся современным войной.

Гюнтер медленно продвигался вдоль корпуса космического корабля, не пытаясь соединиться с его подсистемами, – зачем выдавать себя раньше времени?

Добравшись до разлома обшивки, он замер, переходя в режим пассивного приема данных.

Так и есть... Датчики. В разломе – лазерные растяжки. Несколько детекторов движения чуть глубже по коридору. Дальше вроде бы чисто...

Сигнатуры скафандров сгруппировались в одном из грузовых отсеков. Что привлекло внимание Гюнтера: отдельно от них просматривалась небольшая энергоматрица, расположенная в другом помещении транспортного корабля.

Маленький скафандр? Предназначенный для ребенка? Лет десяти, наверное? – мысленно прикинул Гюнтер, одновременно размышляя, как проникнуть на борт или получить хоть какую-то информацию о пришельцах.

Сканирующий комплекс, отслеживающий не только расположение сигнатур и датчиков, но и прослушивающий диапазоны связи, внезапно помог ему в решении одной из поставленных задач.

При очередной смене частот в режиме автоматического поиска он неожиданно услышал человеческий голос.

Сначала речь показалась ему незнакомой, но, вслушавшись, он понял, что в основе языка лежит интеранглийский, претерпевший значительные изменения за прошедшие века¹².

...У миллиардов машин так же, как у создавших их людей, есть судьбы. У одних – яркие, неповторимые, у других

¹² *Интеранглийский язык*, или *интерангл*, – употребляется в Обитаемой Галактике как универсальное средство межпланетного общения, в то время как большинство планетных цивилизаций сохранили собственные языки, на которых разговаривали их далекие предки, покидавшие Землю в период Великого Исхода.

– обыденные, серые, не выходящие за предписанные рамки задач.

Порой судьбы людей и машин сплетаются так тесно, что разделить их, помыслить одно без другого, становится невозможно.

Так произошло и с Гюнтером.

Он не думал в данный момент о глобальном – едва осознавая себя в новой ипостаси, он действовал то напористо, то осторожно, попеременно проявляя качества машины или человека, создавая новый синтез побудительных мотивов и действий.

Не проклиная прошлого и не очень задумываясь о будущем, Гюнтер Шрейб, бывший капитан ВКС Земного Альянса, а ныне – пехотный дройд со сбойным ядром системы, где остатки человеческой личности возобладали над предопределенностью программных задач, решал сейчас свою судьбу, ибо после услышанного на частоте радиосвязи каждый его шаг, движение, мысль становились судьбоносными как для него лично, так и для тех, кто прятался в недрах транспортного корабля.

– Стив, у нас совсем нет припасов, – ворвался в сознание Гюнтера чей-то голос.

– Заткнись, Рич. Обойдешься без обычных продуктов. На тебе боевой скафандр. Он обеспечивает организм всем необходимым, – ворчливо отозвался другой. – Сразу видно, в армии не служил, салажонок. Что ты вообще в жизни видел,

если постоянно ноешь?

– А сколько нам здесь торчать?

– Пока отец пацана не заплатит выкуп. Тебе мозги отшибло? Или отупел от страха?

– Тут отупеешь, – огрызнулся первый голос. – Видел, сколько кораблей вокруг?

– Не слепой. – В ответе Стивена послышались нотки авантюрной жадности. – Это же Клондайк. Золотое дно... Впрочем, заткнись и сиди смирно.

– Игорь, а какого фрайга мы забрались сюда? – вступил в разговор третий голос. – У меня чуть крышу не снесло, когда я взглянул на счетчик энергоуровней гиперсферы. Мы что – ушли по Вертикали в самое сердце аномалии?

– Тебе не все равно?

– В принципе – по фигу. Но интересно. Мы ведь должны были сгореть в поле напряженности аномалии. Мне рассказывал один знакомый пилот. Глубже четвертого энергоуровня соваться опасно.

– Многие так думали, – ответил тот, кого называли Игорем. Подсистема анализа голоса мгновенно выделила в нем нотки властности и упрямства. Да, собственно, Гюнтер и без подсказки программных модулей сам прекрасно расслышал знакомые, понятные интонации.

В искусственных нейронных сетях андроида пехотной поддержки сейчас протекали сложные, непредсказуемые, стремительные процессы.

Внезапно заработала так называемая «вспышечная память». Он на мгновение ощутил себя стоящим в теснине между огромными сумеречными зданиями. Судя по ощущениям – самое дно мегаполиса. Рядом смутно прорисовывались фигуры еще троих подростков. Вот один из них кивнул и произнес:

– Все, хватит болтаться без дела. Пошли, сейчас подловим кого-нибудь. Нужна кредитка на один вечер. Той, что отобрали вчера, пользоваться уже опасно.

Те же самые интонации, такой же злой голос, полный беспочвенной ненависти ко всему существу.

Выходит, нейрочипы, интегрированные непосредственно в кристаллосхему модуля «Одиночка», сохранили огромный пласт воспоминаний Гюнтера Шрейба. Боевая система «Фалангера», несколько лет находившаяся в прямом контакте с рассудком своего пилота, запомнила многое, в том числе и некоторые яркие моменты довоенной жизни Гюнтера...

Ему на миг стало страшно, затем это чувство истаяло, исчезло.

Голос, пробудивший короткую вспышку памяти, зазвучал вновь. Теперь Гюнтер был уверен: тот, кого называли Игорем, являлся предводителем обыкновенной банды отморожков. Таких, что обычно промышляют в самых глухих уголках мегаполисов, занимаясь мелким грабежом случайных прохожих. Но, видно, уровень технологий, доступных простому смертному, за прошедшие века шагнул так далеко, что поз-

волил разного рода отребью вершить дела покрупнее...

– Может, все-таки просветишь нас? – вступил в разговор хриплый, будто простуженный голос. В его нотках не звучало подобострастия, скорее слышалась грубая звериная сила.

Стивен, скорее всего, правая рука этого Игоря, – проанализировав голосовой ряд, пришел к определенному выводу Гюнтер.

– Все просто, не напрягайтесь. – В ответе проскользнула ироничная, снисходительная издевка. – Пять лет назад я служил в ВКС Конфедерации, – начал пояснять Игорь. – Эй, Рихан, не нужно на меня так коситься. Или ты не любишь космодесантников?

– Люблю, не люблю... Тебе какая разница? – огрызнулся Рихан, которому Шрейб сразу же мысленно присвоил короткую, но емкую характеристику *«шакал»*. Пытается строить из себя зверя, вроде Стивена, а сам скорее шавка, способная больно укусить и тут же сбежать.

– Смотри в переборку, а не пялься на меня с такой ухмылкой, целее будешь, – холодно предупредил его Игорь. – Так вот, – продолжил он прерванную мысль. – Подняли нас однажды по тревоге. Как водится, ничего толком не объяснили. Экипировка, погрузка, потом погружение в гиперсферу. Я тогда уже отслужил полтора года. Ну, думаю, встрял ты, Золотцев, сейчас бросят на зачистку какого-нибудь людьми и богом забытого мира, полного всякой сохранившейся еще с войны кибернетической дряни...

– А с чего ты так решил? – вступил в разговор еще один из участников банды.

– Нам боевые скафандры выдали особого образца. Полностью экранированные от разных излучений, с кучей непонятных внутренних датчиков, причем расположенных так неудобно, что стало ясно: экипировка либо изготавливалась наспех, либо на нас напялили опытные образцы, еще не прошедшие испытаний и отладки. Там, среди приборов, расположенных внутри гермошлема, тоже был счетчик энергоуровней аномалии.

– Ну, и?

– Что «ну»? – огрызнулся Золотцев. – Пересекли четвертый энергоуровень, а корабль продолжает погружаться в «гипер». Вот тогда я и подумал: ну ее к фрайгу, эту службу.

– Решил, что испытания на вас проводят? – хохотнул кто-то.

– Ну, вроде того.

– А потом что было?

– Отпустила нас аномалия. Вернее сказать, не отпустила, а пропустила. Проскочили девять энергоуровней и вышли в десятом. Такое началось, что вспоминать жутко. Системы штурмового носителя вдруг отрубилась все до единой, чувствую – дрейфуем, и сколько жить осталось – непонятно. Страшно было, не скрою. Потом по вибрациям стало ясно – входим в верхние слои атмосферы. Прикинь, планета в недрах гиперсферы! Я тогда решил, что со страха кры-

ша поехала. А все оказалось проще и понятнее. Только вот разъяснения мы получили уже потом, перед самым началом операции, за пару минут до посадки. Оказывается, один наш профессор открытие сделал. Уж что он там вычислил, не знаю, но, как сказал взводный, этот умник доказал, что внутри Вертикали могут двигаться корабли. Ну, типа, как в стволе силового лифта.

– Не хило, – присвистнул Стивен.

– Вот и я о том. – Игорь Золотцев с удовольствием предавался воспоминаниям, которые (по его мнению) должны внушить остальным должное уважение к своему предводителю. – Дальше еще интереснее стало, – после короткой паузы продолжил он. – Когда вошли в атмосферу, вновь заработали приборы и двигатели. На обзорных экранах такая картина появилась – век не забуду. Девять планет, словно ожерелье, на одной орбите вокруг сгустка сиреневого пламени. Жуть одна... Восемь миров мертвые, сплошь разной техникой усеянные, а одна планета с атмосферой. Вот туда мы и высаживались.

– За каким фрайгом?

– Люди там, оказывается, жили. Люди, ксеноморфы, еще твари всякие. В общем, высадили нас в горах. Там были расположены какие-то древние укрепления, по-моему, логрианский город, я точно не запомнил. Не до того было. Бросили прямо в пекло. Людей защищать. Там небольшой поселок затесался среди древних руин, ну и всякая нечисть

на него полезла. Одна тварь страшнее другой. Импульсного оружия нам не дали, не работает оно в недрах аномалии, вместо «ИМов» выдали древние «АРГ-8», ну, в общем, «встряли» мы тогда по полной программе. Там монстры – в кошмарном сне не увидишь. Откуда берутся, непонятно. Один на моих глазах БМК разворотил. Я как это увидел – понял: все, Игорек, отсюда один путь – в цинк.

– А как выбрался?

– Ногами. Побежал я. Своя шкура, знаешь, дороже. Бегу среди руин какого-то древнего города, думаю, в какую бы щель забиться, вижу – постройка, вроде круга из огромных обтесанных камней, в центре углубление, не то вход в подземелья, не то просто нора... В общем, я метнулся туда, только хотел в тоннель проскочить, а он и не тоннель вовсе. Так, углубление, типа воронки. Тени меня обманули. Испугаться не успел, как чувствую – поволокло куда-то. Сознание потерял, а когда очнулся – лежу меж нагромождения разных кораблей, метрах в трех от меня такая же странная постройка и круг, вдавленный посередине. Только я снова туда соваться не стал. Побежал, благо сервоусилители мускулатуры работали. Короче, как я понял уже потом, меня перебросило по каналу внепространственной транспортировки на одну из безвоздушных планет, тех, что я видел с борта ДШМ при снижении. Бродил я по ней почти сутки, но особо от портала не удалялся. Потом заметил еще один такой же, но вот только камни другие были. Немного иной формы. Дай, думаю,

рискну.

– И что?

– А вот не дай бог тебе такое испытать, не зная, что ждет. В одном скафандре меня снова через Вертикаль проволокло. Когда пришел в себя, лежу полузасыпанный песком. Вокруг пустыня, ни души.

– Ганио, что ли? – предположил Рихан.

– Точно. Ганио. Я на третьи сутки к Ганиопорту¹³ вышел. Бронескафандр продал. Направление на портал приметил. Только возвращаться в ВКС уже не думал. Так и осел в Колыбели Раздоров¹⁴. А потом, через годик, работенка вот эта подвернулась. Украсть пацана и надежно спрятать, так, чтобы и искать было бесполезно. Я сразу про тот портал древний вспомнил. Его под песками хрен отыщешь, если точного места не знать. А я когда очнулся, маршрутный компьютер скафандра включил, а потом перед продажей «слил» из него все данные на внешний носитель.

– Так, выходит, тут неподалеку еще один портал? – спросил Стивен. – Ну тот, через который ты сюда попал когда-то?

– А тебе зачем? – мгновенно насторожился Игорь.

– Просто спросил. Интересно же. А вдруг оттуда конфедераты полезут?

– Это вряд ли, – авторитетно успокоил его Золотцев. – А портал, действительно, неподалеку. За ближайшим к нам ко-

¹³ *Ганиопорт* – столица планеты Ганио. Единственный мегаполис планеты.

¹⁴ *Колыбель Раздоров* – сленговое, просторечное название планеты Ганио.

лониальным транспортом. Там ложбина есть. Только совать-ся туда не советую. Перекинет на соседнюю планету, а там гарнизон ВКС Конфедерации. Но до него еще добраться надо, – хохотнул Игорь. – Раньше какой-нибудь ксеноморф сожрет.

Разговор утих сам собой.

Гюнтер, прослушивавший частоту связи, запомнил все сказанное до последнего слова. Практически все, о чем говорили между собой эти отморозки, являлось для него – солдата Первой Галактической – сплошным откровением, запретельными знаниями, не находящими логического обоснования среди доступных сведений.

Однако не верить услышанному не нашлось причин. Уровень достоверности полученной информации был близок к ста процентам.

Другое «ударило по нервам», заставив Гюнтера глубоко задуматься.

Сколько веков прошло после войны, а люди, похоже, не изменились. По крайней мере, он получил представление о той части человечества, с которой был знаком не понаслышке. Что греха таить – Шрейб сам являлся выходцем из трущоб мегаполиса, но война перемолола его, стерла одного Гюнтера и создала совершенно иную личность.

Сейчас перед ним внезапно встал вопрос: а что я должен делать в сложившейся ситуации?

На миг промелькнула мысль – отдаться воле боевых про-

грамм. Порешить всех и вновь впасть в спасительную кому энергосберегающего режима.

Неужели мы воевали за таких вот мерзавцев?

Ответа он не нашел. Его не было. Слишком мало информации. Оставалось лишь надеяться, что он случайно столкнулся с этим отребьем в человеческом облике.

Да, но что делать мне?

В еще не окрепший рассудок Гюнтера въелась фраза, оброненная главарем банды: *я думал, нас пошлют на зачистку планеты, где после войны полно всякой кибернетической дряни.*

Кибернетическая дрянь – это он про таких, как я...

Новый мир, каким бы чудовищным либо прекрасным он ни оказался на поверку, по полученной только что информации, отвергал древний пехотный сервомеханизм, давая ему четкое, недвусмысленное определение. Шрейб не строил иллюзий – никто не станет разбираться в таких тонкостях, как наличие в кристалломодуле «Одиночка» и подчиненных искусственных нейросетях пехотного андроида неполноценной копии сознания человека, погибшего на той войне.

Меня попросту уничтожат, как чрезвычайно опасный, реликтовый кибермеханизм.

Да, выбор небогат.

Либо действительно вернуться в режим энергосбережения, уходя таким образом от проблем, либо отыскать способ возвращения в мир, причем такой, когда его хотя бы выслу-

шают до того, как разнесут на куски.

Прежде чем начинать действовать, он решил еще немного послушать ленивые переговоры членов банды.

Долго ожидать ему не пришлось.

– Послушай, Игорь, а если отец пацана откажется платить выкуп? Что тогда? Останемся ни с чем, да еще будем должны ганианцам за экипировку?

– Не дрейфь. Все оговорено и продумано. Заказчик поставил конкретное условие: если через сутки в оговоренное место ему не доставят выкуп, он все равно платит нам пятьсот тысяч.

– За что?

– За устранение мальчишки.

На некоторое время в эфире наступила тишина.

– А кто заказчик? – не подумав, ляпнул Рихан.

– Рехнулся? – тут же осадил его Игорь. – Или решил на тот свет пораньше отправиться? Кто заказчик – я и сам не знаю... и тебе знать не советую. Факт – ему мешает мальчишка. По каким причинам – понятия не имею. По-моему, он готов смириться с его «освобождением» за круглую сумму, но при упрямстве папаши наш работодатель готов заплатить за физическое устранение пацана.

– А не «кинет»? – хмуро поинтересовался Стивен.

– Деньги уже на счете, – успокоил его Золотцев. – В банке Ганио. Так что ситуация для нас беспроеигрышная. Сидим сутки, и если выкуп не заплатят – я сам все сделаю.

– А команду тогда зачем набирал? – пробурчал Рихан. – Украсть мальчишку ведь было совсем несложно. На Грюнверке вообще народ странный, как будто не знает, что в Галактике существует преступность.

– Насчет Грюнверка – согласен. Там я бы справился и в одиночку. А вот тут вы мне еще можете пригодиться. Во-первых, если мне удалось тогда сбежать через древние, наверное, еще инсектами построенные порталы, то где гарантия, что о них до сих пор неизвестно конфедератам? Не факт, верно? Ну и реликтовых кибермеханизмов тут, полагаю, в избытке. Короче, хватит болтать. Отдохнули? А теперь по постам.

Разговор оборвался, но Гюнтеру в конкретной ситуации уже все было ясно.

Пехотный сервомеханизм времен Галактической войны, получив подобную информацию, не стал бы вмешиваться в дела людей. Боевому вариатору целей достаточно того, что группа подонков, укравшая ребенка, не классифицируется как «противник».

Однако в системе дройда возобладал рассудок Гюнтера.

Вспышка возрождающейся памяти рванула, будто огненный всплеск оборонительной плазменной гранаты: на миг помутилось сознание, зрение стало нечетким, фантомные ощущения звона в ушах и солоноватого вкуса крови на губах ворвались в раздираемый противоречиями рассудок.

Та война сначала убивала души, а уж затем уничтожала

людей.

Но случилось и так, что в череде бесконечных схваток возвращались порывы чувств, словно шквалистый ветер вздымал и уносил прах бесконечной усталости, морального истощения, порожденные *буднями* техногенного противостояния.

Ребенок...

Это случилось, когда Гюнтер уже командовал взводом серв-машин, незадолго до рокового штурма укрепрайона силами Флота Свободных Колоний.

Между капитаном Шрейбом и тем молодым человеком без определенного рода занятий, которого в возрасте девятнадцати лет призвали в армию, лежала неодолимая пропасть. На призывной пункт он явился по принуждению, имея за плечами лишь сомнительный опыт выживания в трущобах одного из мегаполисов Земли, без твердых принципов, без понимания цели жизни, – все как-то скользило мимо, не цепляло, но ад, в который попал Гюнтер, мгновенно сжег все напускное, жизнь перевернулась, – за первые месяцы боев он пережил столько, что не уместила бы и целая эпоха прозябания в мегаполисе.

Он сгорел дотла и стал другим.

Из пепла возродилась иная личность. Капитан Шрейб упал на самое дно, познал все – и мгновения нечеловеческого, животного ужаса перед лицом неотвратимой смерти, и неодолимую ярость боя, горечь невозполнимых утрат, и ред-

кие, бережно хранимые в памяти эпизоды, когда стихало все, отступало горячее напряжение непрекращающихся боев, и вдруг... приходила пустота. Отдых, о котором так мечталось, начинал тяготить, казалось, что и та, возродившаяся из праха личность погибла – она несостоятельна вне войны, из жизни в минуты затишья вдруг исчезал смысл, оставалась лишь непомерная усталость да напряженное ожидание грядущего...

...Взвод капитана Гюнтера Шрейба отступал к укрепрайону, когда им выпала нежданная передышка.

Прогорклый дым сносило ветром от позиции двух «Фалангеров» и трех «Хоплитов».

Серв-машины, изрядно потрепанные, казались чудовищами, выбравшимися на поверхность планеты из недр мифического Аида. Их броню покрывали шрамы от лазерных ожогов, асимметричными россыпями темнели глубокие выщербины от попадания снарядов и крупных осколков, открытые пусковые стволы ракетных установок почернели от частых запусков, на компенсаторах отдачи электромагнитных импульсных орудий фиолетовой радугой змеились цвета побежалости – немое свидетельство предельно допустимого нагрева, возникающего в моменты ведения непрерывного огня.

– Граф, остаешься в охране. Сканируешь. – Гюнтер выбрался из прочных объятий сложного каркаса пилот-ложемента, по ходу дела отдавая распоряжения. – Гасанов,

ставь «Фалангер» с расчетом отражения внезапной атаки. Остальным – запустить режим смены боекомплекта. Графа и Гасанова меняют Блейз и Сашка-Хоплит. Смена через час.

Он открыл люк и по тонкой «веревочной» лестнице спустился с десятиметровой высоты, оказавшись меж исполинских согнутых ступоходов своего «Фалангера».

– Сфера сканирования чиста, – доложил Граф. – Видно, выдохлись штурмовые группы.

– Не обольщайся, – предупредил его Гюнтер, отойдя в сторону. Земля, изрытая ступоходами машин, рыжела металлом и желтела выступами старых, давно разбитых стеклобетонных укреплений, сохранившихся с той поры, когда Альянс отбил планету у колонистов.

Тишина стояла ватная, ненатуральная.

Вдали высились горы, на участке равнины, по которой, отбиваясь от штурмовых групп Флота Колоний, третьи сутки подряд отступал взвод серв-машин, когда-то рос лес. Сейчас об усилиях терраформирования напоминали лишь редкие, каким-то чудом уцелевшие деревья да скопления пожелтевших, выгоревших на солнце кустарников.

Взгляд нигде не находил отдыха, Шрейб мгновенно поймал себя на том, что напряженно осматривает прилегающую местность в поисках демаскирующих признаков противника.

Рассудок уже не принимал тишины, если раньше Гюнтер в моменты затишья пытался ответить себе на вопрос: за ко-

го и ради чего мы воюем? – то теперь уже не осталось важных вопросов и глобальных проблем. Все. Он дошел до края пропасти и знал, что следующий шаг увлечет его в бездну.

Даже если выживем, вырвемся, что дальше?

Мы все давно и неизлечимо больны. Гюнтер не строил иллюзий, думая о себе и немногих окружающих его людях. *Война сожрала наши души. Что мы умеем? Только профессионально драться за пяди земли или кубические объемы космического пространства? Кто из нас способен на что-то иное?..*

Осматриваясь, капитан Шрейб заметил группу деревьев: небольшая по размерам рощица, в тени которой густо разросся кустарник.

Он пошел туда, чтобы размять ноги и не стоять в томительном ожидании, пока поступит очередной приказ или будет выяснена причина внезапного затишья.

Еще не ступив под сень крон, он услышал странный звук.

Вода. Так журчали ручьи на Кассии – одной из немногих планет, захваченных Альянсом без яростного сопротивления со стороны колонистов.

Гюнтер проходил там подготовку, еще будучи курсантом центра ускоренной подготовки пилотов серв-машин. Воспоминание, вырвавшееся на волю, относилось к той далекой поре, когда он, дитя мегаполиса Земли, с трепетным удивлением познавал *настоящую природу* – дремучие леса Кассии казались тогда ему настоящим чудом, иной реальностью...

...Он не ошибся, в тени деревьев среди кустарников бил родник, дающий начало небольшому ручейку, пересыхающему или вновь уходящему под землю на границе между оазисом зелени и перепаханной воронками равниной.

Подле родника сидел ребенок лет пяти. Из-за спутанных, давно не стриженных волос и чумазого личика было невозможно определить, кто перед ним – мальчик или девочка, да это и не заботило Гюнтера в тот момент.

Он растерялся.

Рядом с ребенком застыло лохматое животное, отдаленно напоминающее непородистую собаку. Пес (Гюнтер мысленно окрестил животное наиболее подходящим по смыслу словом) смотрел на внезапно появившегося Шрейба с молчаливым предупреждением – еще шаг и...

Их взгляды встретились.

Пес привстал. Шерсть на загривке встала дыбом, но Гюнтера пронзила внезапная жалость, резанувшая по сердцу: у животного не было задних ног, однако пес-калека ни на миг не изменил своей решимости защищать маленького хозяина или хозяйку.

Мы чем-то похожи с ним... – с саднящей горечью подумал Гюнтер, переведя взгляд с собаки на ребенка.

Шрейб вздрогнул всем телом, как не вздрагивал даже в бою, глядя в пустые глаза смерти.

На чумазом личике ребенка серые, настороженные глаза казались огромными, но Шрейб не заметил в них страха,

только опасение, вызванное, скорее всего, реакцией пса на появление Гюнтера.

Ужас увиденного сдавил горло. Удавка непроизвольно-го спазма медленно сжималась, дикая, ни с чем не сравни-мая горечь заполняла рассудок и душу, сознание мгновен-но нарисовало яркую картину: еще пять-десять минут, и их группу обнаружат, начнется новая схватка, опять в безоблач-ном небе появятся штурмовики Флота Колоний, а со сторо-ны равнины начнут наступление потерявшие цель наземные сервомеханизмы.

Здесь все сровняют с землей.

И ничья душа не вздрогнет, никто не увидит и не узна-ет, что вместе с вырванными взрывами деревьями в клочья разорвет двух беззащитных, неповинных, но *причастных* к этой проклятой войне существ – искалеченную собаку и пя-тилетнего ребенка.

Он мог помочь им только одним способом.

Гюнтер медленно, стараясь не делать резких движений, развернулся и пошел прочь, потом, когда его скрыли кусты, побежал к своему «Фалангеру», отдавая короткие, катего-ричные приказы по каналу связи:

– Снимаемся с позиции! Все – по машинам! Уходим!

– В чем дело, командир? – раздался озадаченный голос Графа. – На сканерах чисто.

– Исполнять! – не узнавая собственного внезапно осип-шего голоса, рявкнул Гюнтер.

Он так и не рассказал никому из ребят, почему они тогда ушли, спешно отступив в предгорья, где уже на подступах к укрепрайону пришлось принять недолгий бой со штурмовиками Колоний.

Взрывообразная вспышка памяти, поначалу ввергшая Гюнтера в шок, нашла объяснение в виде краткой справки, извлеченной из блока технической информации.

Модуль «Одиночка» обладал ограниченным количеством нейрочипов. Однако система независимого поведения боевой машины старалась запомнить как можно больше, взять от прямого нейросенсорного контакта с разумом пилота, как говорится, «по максимуму». Простое решение (или ухищрение обладающей интеллектом системы) заключалось в архивировании части данных и размещении их не в нейросетях, а на обыкновенных запоминающих устройствах.

Сейчас произошло следующее: Гюнтер сосредоточился на ребенке, которого в его понимании нужно спасти, и «Одиночка» (в нейромодулях которой размещалась в данный момент большая часть личности Шрейба) востребовала аналогичную информацию, *разархивировала* воспоминание.

Гюнтер после внезапного, вспышечного откровения еще несколько секунд находился в состоянии, которое для машины справедливо назвать сбоем, а для человека – замешательством.

Глаза *того* ребенка, его образ, как и образ искалеченной собаки, стояли перед внутренним взором, будто живые.

Беззащитный огонек жизни посреди безумия войны.

Удалось ли им отсидеться в своем укрытии, переждать последнюю схватку машин?

Гюнтер надеялся, что удалось.

Многие понятия возрождались сейчас в его формирующемся заново рассудке. Чувства по-прежнему захлестывали разум, проносились по искусственным нейросетям импульсами возбуждения, вновь и вновь возрождая частицы *человеческой души*.

* * *

Кое-как справившись с нахлынувшими чувствами, он отступил на несколько шагов от люка, двигаясь вдоль борта транспортного корабля, затем остановился, задумавшись, одновременно сканируя окружающее его нагромождение различных, пострадавших в большей или меньшей степени конструкций.

Его все сильнее раздирали противоречия.

Шрейб никогда не стрелял в беззащитных. У офицеров той войны тоже существовали свои понятия чести, выкованные в боях, оплаченные кровью, невыносимой душевной болью, и сейчас он с горечью мысленно перебирал имена друзей, которых, вероятно, уже не встретит никогда.

Граф... Гасанов... Санька-Хоплит... Блейз...

Что бы вы сказали, что сделали, ребята?

А о чем ты задумался, Гюнтер?

Ярость всколыхнулась мутной волной, словно призыв к немедленному действию.

Я уже не человек, но и они – не люди, – подумал Шрейб, подразумевая членов банды, похитивших и намеревающихся хладнокровно убить беззащитного ребенка.

Суждено ли ему выбраться с непонятого кладбища кораблей, сложится дальнейшая судьба или оборвется тут, под жутким, стылым сиянием энергетического сгустка, – по большому счету, Гюнтеру сейчас было все равно. Как в том последнем бою, внезапно вернулись обостренные до предела ощущения, когда понимаешь, что сейчас ты должен действовать, но он не поддался секундному порыву – слепой яростью мальчика не спасешь, а себя погубишь.

Помогли в этот жуткий момент боевые программы – их рационализм чуть остудил эмоциональный всплеск.

Сканирование.

Сигнатуры, разбредшиеся кто куда, по назначенным постам, просматривались достаточно четко.

Технические блоки Гюнтера, постоянно тестировавшие состояние внутренних систем, докладывали: долгого стремительного перемещения по труднопроходимой местности при существующем значении гравитации сервомоторы выдержат от силы минут двадцать.

Кроме того, реальную опасность представляло излучение странного энергетического сгустка: в сложном спектре

присутствовали губительные для кибернетической системы формы излучений. До сих пор Гюнтера от пагубного воздействия, упомянутого в рассказе главаря банды, спасал экран из нагроможденных вокруг конструкций и специальное покрытие, нанесенное на бронированные кожухи.

Жаль, под рукой нет баллончика со спреем. Защитная пленка, предохраняющая от ЭМИ-излучения, местами пришла в негодность, но подниматься на борт штурмового носителя в поисках дополнительного оборудования Шрейб не счел разумным.

Сверившись с внутренним ощущением времени, он решил отложить операцию по спасению заложника. Что толку в освобождении мальчика, если им не удастся выбраться отсюда? Гюнтер был вынужден действовать с предельной осторожностью, заранее планируя каждый шаг, ведь он обладал лишь крохами информации, например, он понятия не имел, каков реальный ресурс скафандра, надетого на ребенка, какими из защитных свойств обладает его экипировка, работают ли сервомускулы?

Даже если сервомускулатура его скафандра отключена – донесу на руках. Главное – без лишнего шума снять охранение и найти способ добраться до отсека с пленником, не привлекая к себе внимания всей банды.

Так, значит, сначала проверить наличие порталов, о которых упоминал этот Игорь.

Информация, почерпнутая из прослушанного разговора,

ставила перед ним выбор: каким из двух устройств внепространственной транспортировки следует воспользоваться?

Планета, представлявшая собой песчаную пустыню и населенная некими ганианцами, его не устраивала. Предпочтительнее неизвестный мир, где, по словам Золотцева, полно опасностей, но исходят они, как понял Гюнтер, не от людей, а от представителей местной флоры и фауны.

Со «зверушками» как-нибудь справлюсь. Да и уходить от преследования по пустыне гораздо сложнее, чем на пересеченной местности.

Постепенно в рассудке Гюнтера начал вырисовываться план действий. Кто такие «логриане» и «инсекты», он понятия не имел, зато (в рамках представлений двадцать седьмого века) знал теорию гиперсферы. В «его время» срыв на Вертикаль означал верную гибель. В современности, похоже, вертикальными линиями напряженности пользуются, как транспортными каналами. К тому же в разговоре прозвучало недвусмысленное упоминание о поселениях людей, расположенных на единственной планете системы, обладающей атмосферой.

Остальное я узнаю у мальчика, – мысленно продолжал рассуждать Гюнтер. – Где люди – там и техника, возможность связаться с другими населенными мирами, передать призыв о помощи, сообщить об освобождении заложника, ну, а если в отношении меня люди поведут себя враждебно – просто уйду. Там, судя по услышанному разговору, мест-

ность гористая, затеряться легко, да и голыми руками меня не возьмешь.

А мальчишку спасу. Не могу не спасти.

Пока в рассудке Гюнтера метались обрывочные мысли, постепенно систематизируясь в план дальнейших действий, он обогнул колониальный транспорт и действительно увидел странное сооружение из черных каменных блоков.

Похоже на Стонхендж, подумалось ему. Давным-давно он однажды видел на Земле подобное сооружение, только там каменные глыбы были обтесаны весьма примитивно, а здесь скорее отлиты из неизвестного материала, но принцип конструкции совпадал в деталях – глубоко вкопанные в землю опоры, на которых без видимых крепежных приспособлений расположены прямоугольные блоки. Все вместе образовывало круг, в центре которого имелось коническое углубление.

Проверять рабочие возможности портала Гюнтер не стал, зато наметил для себя и для мальчика несколько надежных промежуточных укрытий.

Все, теперь за ним.

* * *

Холод стыл в груди...

Фантомные ощущения *живого* тела то пропадали, то возвращались с невыносимой остротой.

Разум Гюнтера постоянно балансировал на зыбкой грани

реальности, где смешивались мысли, присущие человеку, и данные, получаемые от сканирующего комплекса, – сливаясь воедино, они создавали стойкое впечатление нереальности происходящего.

Прочь чувства и воспоминания! Лишь точный, трезвый, холодный расчет способен привести к успеху. Я не могу позволить себе ошибиться даже в малости, – думал он, медленно продвигаясь вдоль борта транспортного корабля, обходя скверно замаскированные, неумело расставленные и потому не опасные ловушки в виде датчиков и прочих приспособлений, призванных предупредить бандитов о приближении человека или сервомеханизма.

Гюнтер вел постоянное пассивное сканирование, машинально вычисляя дальность и тип действия вражеских сканеров, и потому легко оставался «в тени», продвигаясь в мертвых зонах сигнальных устройств, – зато сам он отлично различал сигнатуры противника, не подозревающего о приближении пехотного андроида.

Многолетний боевой опыт Гюнтера, бережно хранимый модулем «Одиночка», плюс защитные устройства и маскирующее покрытие нового «тела» давали ему неоспоримые преимущества в грядущей схватке.

Около полудня он вел опасную игру со сканерами противника, пока не обнаружил внушительных размеров пробину, расположенную над одним из грузовых отсеков древнего транспорта. Повреждение обшивки находилось на высоте

тридцати четырех метров, и потому бандиты не стали тратить силы на установку там датчиков обнаружения, считая, что бесшумно вскарабкаться на такую высоту невозможно.

Отчасти они, конечно, правы. Оставайся внутри отсеков транспорта воздух, Шрейбу пришлось бы нелегко (в этом случае любое неосторожное движение порождало бы звук), но данные сканирования указывали, что корабль полностью разгерметизирован, а толстая броня, по которой Гюнтер начал восхождение к точке проникновения, практически не передавала вибраций.

Он двигался, используя в качестве опор ладони, колени и подошвы – специальное покрытие, нанесенное в определенных местах, активировалось при сильном нажатии, создавая сцепление с любой твердой и ровной поверхностью, вне зависимости от материала, из которого та состояла.

Медленное, осторожное восхождение отнимало время, но не силы. Синтез человеческого рассудка с точностью движений сервомеханизма позволил Гюнтеру почувствовать некоторые преимущества своего нового существования – он передвигался, будто акробат, хотя прежде не имел богатого опыта в упражнениях подобного рода.

Преодолев две трети намеченного маршрута, он остановился, прижавшись к броне древнего транспортного корабля. Проверив позиции наемников и считав переданную сканерами информацию относительно новых, только что открывшихся деталей внутреннего устройства транспорта,

Гюнтер принял к исполнению окончательный план: теперь были хорошо различимы переборки в интересующей его части «Элизабет-альфы». Как он и предполагал, безобразная, рваная пробоина вела в грузовой отсек второй палубы, откуда через вертикальную шахту неработающего гравелифта открывался доступ на нижнюю палубу, где в данный момент бессистемно перемещались сигнатуры наемников.

У отсека, где содержали заложника, только что сменился охранник.

Остальные боевики группы Золотцева, демонстрируя крайнюю беспечность и самоуверенность, разбрелись кто куда, обследуя трюмы войскового транспорта, не то из обыкновенного любопытства, не то в поисках дополнительной наживы. Обыскивая корабль, они не церемонились с дверьми запертых отсеков, производя при их вскрытии столько толчков и вибраций, что осторожное перемещение Шрейба полностью маскировалось проявлениями чрезмерной активности этих «исследователей».

Гюнтер не имел дурной привычки недооценивать противника, но эти вояки вели себя уж слишком непрофессионально. Им бы выставить посты и перетерпеть сутки, отведенные на операцию, в чуткой настороженности, но, видимо, самоуверенность Золотцева быстро передалась его подчиненным. Гюнтер вообще сильно сомневался в том, что кто-либо из них слышал о таком понятии, как дисциплина.

Он вновь начал восхождение, преодолевая оставшиеся до

пробоины десять метров.

Оказавшись внутри транспортного корабля, Шрейб еще раз остановился, произвел полное сканирование, но лишь убедился, что ситуация остается прежней.

Оставалось спуститься по шахте грузового лифта и пройти пятнадцать метров по коридору нижней палубы. Данный отрезок пути выглядел наиболее рискованным – часовой, выставленный у входа в отсек, мог заметить появление Шрейба не только посредством сканеров экипировки, но и визуально.

Словно тень, преодолев лифтовый колодец, Гюнтер застыл вне поля зрения охранника, отгородившись от сканирования выступом толстой аварийной переборки, запирающей ствол подъемника в случае декомпрессии или пожара на борту.

Пятнадцать метров...

Преодолеть их одним рывком? Сколько понадобится времени? Секунд пять, учитывая, что еще предстоит покинуть укрытие.

А если у охранника коммуникатор включен на постоянную связь?

Малейший вскрик, и тщательно выверенный план Гюнтера пойдет к фрайгу, среди наемников поднимется паника, но Золотцев наверняка сумеет быстро разобраться, что к чему, и организовать не *преследование*, как рассчитывал Шрейб, а охоту в ограниченном внутрикорабельном пространстве.

Нет, так не годится. Об исчезновении заложника они должны узнать не раньше очередной смены караула.

Внезапно перед «внутренним взором» Гюнтера сама по себе возникла схема пятнадцатиметрового отрезка коридора, вдоль потолка которого тянулись трубопроводы и кабели.

В трех местах объемной модели зеленоватым сиянием обозначились расположенные под сводом коридора ниши, запертые овальными люками.

Несомненно, боевая составляющая программного обеспечения пехотного андроида указывала на оптимальные укрытия, где ни взгляд, ни сканеры не обнаружат Шрейба.

То есть мне предложено продвигаться под потолком, на одних руках, цепляясь за трубопроводы?

Он постоянно забывал, что его рассудок теперь заключен в оболочку человекоподобной боевой машины...

Движение в режиме «полный автомат» по намеченным точкам, – поступила рекомендация.

Предложение боевой подсистемы, утратившей командный приоритет, поначалу было воспринято Гюнтером как вызов, но после недолгих размышлений он признал свою неправоту – в сложившейся ситуации именно боевые программы способны оптимально управлять механическим телом, точно координировать работу всех сервомоторов.

Рискну.

В следующий миг его буквально сорвало с места.

За две секунды тело человекоподобного сервомеханизма

пронеслось под потолком коридора, преодолев пять метров, и, изогнувшись по форме окружающих трубопроводов, застыло без признаков движения в неглубокой нише перед закрытым техническим люком.

Часовой, видимо, краем глаза все же уловил движение, или его встревожили внезапно поступившие сигналы от сканеров, но, когда он обернулся, коридор был пуст. Нанесенный на броню андроида состав «Хамелеон»¹⁵ надежно скрывал его от визуального обнаружения, сплетение трубопроводов препятствовало эффективной работе сканеров, но наемник не стал утруждать себя детальным выяснением обстановки, он лишь скользнул взглядом по коридору и, грязно выругавшись в адрес «раздолбаев, ползающих по кораблю», вновь отвернулся к освещенному проему, за которым простирался внушительных размеров грузовой отсек...

Одна секунда...

Вторая...

Третья...

Все спокойно... Скверно, что у бандита включен коммуникатор.

¹⁵ «Хамелеон» – специальное мимикрирующее покрытие, наносимое на броню из распылителей. Защищает от визуального обнаружения на дистанции до двух-трех метров. Периодически нуждается в обновлении.

Следующий рывок вывел Гюнтера на дистанцию прыжка.

Теперь, если как следует оттолкнуться, он обрушится на спину наемнику, но этого мало, часового необходимо обезвредить так, чтобы тот не успел ни сообразить, что происходит, ни подать сигнал сообщникам.

И вновь после мгновенного сканирования перед мысленным взором Гюнтера возникла объемная модель. На этот раз технические блоки, обработав файл сканирования, выделили несколько уязвимых мест бронескафандра, обозначив их алыми зонами.

Как и в прошлые века, одной из наиболее уязвимых точек являлось соединение шейного кольца с гермошлемом. В конструкции скафандра присутствовал уплотнитель, позволяющий человеку немного приподнимать или чуть опускать голову.

Нож... – метнулась в рассудке Гюнтера мысль, определяющая выбор оружия.

Он уже не чурался прислушиваться к рекомендациям боевых подсистем, оценивая их предложения с точки зрения конкретной ситуации. Усилия человеческой руки явно недостаточно, чтобы пробить уплотнитель с вплетенными в него металлокевларовыми нитями, а вот сервомотору боевого андроида это как раз по силам.

Где взять нож?

Ага, вот он в специальном чехле на бедре гермоэкипировки охранника.

Теперь Гюнтер решил действовать самостоятельно. Приемы рукопашной схватки в бронекафандрах специально не разрабатывались, но чему не научишься на войне, когда ставкой является жизнь?

Шрейб, конечно, подстраховался, задержавшись в последней технической нише еще секунд на пятнадцать – ровно столько времени потребовалось боевой подсистеме, чтобы на основе личного опыта капитана Шрейба составить программу движений сервомускулатуры.

Все. Пошел!..

Отданный самому себе мысленный приказ будто освободил от фиксатора тугую, плотно сжатую пружину.

Со стороны это выглядело жутко: размытый в стремительном прыжке силуэт человекоподобной машины вырвался из сумрака, прыгнув на спину часового, одновременно андронид одной рукой вырвал у охранника нож, другой охватил его гермошлем и нанес роковой удар точно в соединительное уплотнение.

В эфире не раздалось ни звука.

* * *

Мягко опустив безвольное тело на пол коридора, Гюнтер

открыл массивный люк отсека и шагнул внутрь.

С каждым новым действием он чувствовал себя все увереннее.

Ощущать полное слияние с механизмами для пилота серв-машины – привычное состояние, и Шрейб, чей возродившийся разум поначалу болезненно переживал внезапное перевоплощение, теперь был спокоен. Да, он действовал жестко, хладнокровно, расчетливо, но иначе нельзя. Дашь слабину – и сам останешься лежать грудой неподвижной металлокерамики где-нибудь в трюме древнего корабля, на этот раз уже навсегда, без вариантов.

Однажды пережив смерть, Гюнтер не собирался предоставлять ей еще один шанс.

Он даже не подозревал, сколь велико окажется желание жить. Много веков назад, при штурме укрепрайона, он ощущал себя совершенно иначе. Тогда измученный рассудок равнодушно взирал на данные сканеров, наблюдая, как сонмища десантных сервомеханизмов противника скапливаются для решающей атаки полуразрушенных позиций его взвода.

Тогда он смирился с заранее предрешенным исходом, теперь же не собирался терять даже такого, странного, ирреального на первый взгляд, перевоплощения, подарившего возможность вновь по крохам собрать свою личность, ощутить справедливость древней истины: *я мыслю, следовательно – существую.*

Человек, не прошедший войны, чей дух не закален несчетным количеством смертельных испытаний, не сумел бы принять произошедшую метаморфозу, он бы считал свое новое положение ничтожным и скорбным, но Гюнтер, шагнув в плотный мрак тесного отсека, мыслил иначе.

Присев на корточки перед забившимся в угол, перепуганным мальчиком, он протянул руку, безошибочно нашел грубо вырванный из контактного разъема оптический кабель коммуникационной системы, точным движением восстановил разорванное соединение и, отсканировав резервную частоту передатчика гермоэкипировки, мысленно произнес:

– Не бойся меня.

Несколько секунд тишины показались Гюнтеру вечностью. Все же опыта общения с детьми у него не было, а испуг мальчишки, вырвавшись непредсказуемым действием, элементарно ставил на грань срыва всю проведенную часть операции...

– Я... не боюсь... Тебя папа прислал?..

Меньше всего Гюнтеру хотелось лгать. Даже во спасение.

– Нет. Твоего отца я не знаю. Просто решил помочь тебе.

Ты же хочешь выбраться отсюда?

Мальчик судорожно кивнул.

Похоже, он был напуган намного сильнее, чем предполагал Шрейб.

– Ты спасешь меня?.. – ломкий детский голос дрожал от напряжения и страха.

– Постараюсь, – ответил Гюнтер. – Но пообещай, что будешь делать все в точности, как скажу.

– Я... Я все сделаю... Только не уходи... Не бросай меня тут...

– Так, спокойнее. Идти сможешь? Раньше приходилось надевать скафандр?

– Нет.

– Плохо. Как тебя зовут?

– Иван.

– А меня Гюнтер.

– Разве у андроидов бывают имена?

– У некоторых бывают, – ответил Шрейб, мысленно сообщая, как им выбраться наружу. То, что мальчик не сможет самостоятельно передвигаться с той скоростью и ловкостью, как того требовала ситуация, сильно усложняло их положение. – Поступим так, – Гюнтер повернулся к Ивану спиной, – ты сейчас встанешь и крепко обхватишь меня за шею. Не разжимай рук, что бы ни случилось. Понятно?

– Да.

– Справишься? Я побегу быстро. Ты ни в коем случае не должен упасть. Если в нас станут стрелять – все равно держись.

– Я постараюсь.

– Тогда давай, хватайся.

Иван безропотно вскарабкался ему на спину, крепко обхватил руками шею Гюнтера.

– На ладонях твоих перчаток должен быть нанесен специальный состав. Попробуй активировать его. Как будто хлопаешь в ладоши.

Мальчик исполнил указание.

– Ладонки слиплись. Мне не разнять рук!

– Не пугайся, все правильно. Теперь ты не упадешь. Выберемся отсюда, я покажу тебе, как снова расцепить руки. – Произнося эти слова, Гюнтер выглянул в коридор. Первоначальный план – выбраться через пробоину наверху, не выдерживал никакой критики: пока он освобождал Ивана, ситуация изменилась. Судя по расположению сигнатур, пятеро наемников поднялись на вторую палубу и сейчас обследовали грузовой отсек, через который Шрейб проник внутрь корабля, зато главный шлюз остался без охраны. Там датчики и лазерные растяжки, но выбирать не приходилось – еще три энергоматрицы двигались по коридорам нижней палубы, в опасной близости от отсека, где содержали Ивана. В любой момент кто-то из членов банды мог либо появиться в коридоре, отрезая путь к отступлению, либо вызвать на связь охранника, который, естественно, уже не в состоянии ответить...

– Держись. – Гюнтер одной рукой схватил оставленную у массивного люка «АРГ-8», другой сорвал с пояса лежащего на полу коридора охранника ремень с несколькими подсумками и ринулся к главному шлюзу корабля, на бегу перехватив оружие с таким расчетом, чтобы открыть огонь в любой

момент, благо сервомускулы позволяли удерживать тяжелую «римповскую»¹⁶ винтовку и стрелять с одной руки.

Короткий стремительный рывок привел их к шлюзу «Элизабет-альфы».

Оба люка, внешний и внутренний, были открыты, это Гюнтер знал заранее, шлюзовой отсек он отсканировал еще перед проникновением на борт корабля.

Лазерные растяжки он перепрыгнул, а вот густо понатыканные у входа в корабль датчики подняли тревогу, как только Шрейб выскочил наружу под бледный свет сиреневого энергетического сгустка.

Резко свернув направо, он, по щиколотки увязая в пыли, побежал к древнему portalу, ведущему на неизвестную, загадочную планету, о которой упоминал в рассказе главарь банды.

Главное – вырваться отсюда, а там я их встречу, как положено.

Шрейб бежал, на ходу расстегивая конфискованный у охранника подсумок. Прятаться не было никакого смысла – шлейф поднятой пыли оседал очень медленно, выдавая направление, в котором скрылись беглецы, к тому же на частоте связи внезапно раздались крики, ругательства, а затем, после короткой заминки, злобный срывающийся голос главаря наемников рявкнул:

¹⁶ *Римп* – название колониального проекта вооружений, аналогичное названию основной корпорации-производителя.

– Все из корабля! Стрелять по мальчишке!

Гюнтер уже расстегнул подсумок.

Светошумовые гранаты. Не густо. Но хоть что-то...

Он активировал их нажатием на сенсоры и поочередно уронил в пыль.

– Не оборачивайся! Закрой глаза! – предупредил он Ивана.

– Куда ты бежишь?! – крепко зажмурившись, крикнул тот.

– Ты не поймешь! Потом. Все объясню потом! Сейчас держись и не оглядывайся!

– Держусь...

Гюнтер свернул, огибая древний колониальный транспорт.

Сзади, одна за другой, сверкнули пять ослепительных, бесшумных вспышек.

До портала теперь метров триста. Бандиты не успеют. Линию огня блокирует колониальная сфера. Не успеют!..

* * *

Планеты Ожерелья миллионы лет не видели звезд.

Их озарял и согревал сиренево-мертвенный свет энергетического сгустка, расположенного в самом сердце аномалии космоса.

Девять планет обращались по единой орбите. В иных условиях подобное расположение небесных тел было бы при-

знано невозможным, но законы энергетической вселенной, где вообще не должны присутствовать материальные объекты, диктовали свои правила и особенности, использованные строителями искусственно созданной системы.

Две древние расы космоса, пережившие свой расцвет и упадок за три миллиона лет до того, как человечество вышло в космос, создали уникальную систему из девяти планет. Кооперация двух цивилизаций позволила им, пользуясь уникальными достижениями инсектов в технологии подвижки планет и глубокими знаниями логриан о структуре гиперсферы, воплотить одиозный проект, который, к сожалению, так и остался незавершенным.

И вот, после целого ряда исследований и открытий, в пространство десятого энергоуровня гиперсферы пришли люди¹⁷.

Теперь они осваивали Первый Мир, еще не до конца понимая глубинную суть всех протекающих тут процессов – большинство сведений относительно системы Ожерелья, ее структуры, истории, частного предназначения многих разбросанных по поверхности планет древних устройств были безвозвратно утрачены, и современным исследователям приходилось заново постигать суть уникального планетно-инженерного комплекса.

Раннее утро над Арастой (так в навигационных каталогах Конфедерации именовался Первый Мир) началось блед-

¹⁷ События романа «Сон Разума».

ными сполохами сиреневого сияния, расплескавшегося над близкой, изломанной контурами горных хребтов и вершин линией горизонта.

Вертолет патрульной группы ВКС Конфедерации Солнц шел обычным маршрутом. Лопасты со свистом рассекали прохладный утренний воздух, водородный двигатель, адаптированный для условий Первого Мира, работал почти бесшумно.

Внизу простиралась горная страна, сглаженная временем, щедро изрезанная сотнями долин и ущелий: с высоты ландшафт выглядел словно морщинистая, задубелая серая кожа прилегшего отдохнуть исполинского животного.

Командир патрульной группы, присев у открытой боковой ramпы, осматривал окрестности. Он уже не первый год служил в гарнизоне Арасты, и его взгляд сейчас цепко скользил по вершинам, склонам и впадинам; галактлейтенант Шершнев привык полагаться на свое зрение, интуицию и память: в аномальных зонах, особенно тут, в чертогах гор, где излучение центрального энергетического сгустка системы часто приводило к неверной работе или отказам электронного оборудования, доверять показаниям приборов приходилось с большой натяжкой.

Вертолет начал набирать высоту, преодолевая очередную «лысую гору» – таких вытянутых в виде покатых хребтов или отдельных выпуклых, похожих на исполинские купола вершин тут насчитывались сотни.

Голые, продуваемые ветрами каменные склоны лишь в некоторых местах скрашивала зелень растительности: там, где корни деревьев и кустарников находили опору, они цеплялись за малейшие трещины, образуя островки жизни, перемежающиеся каменистыми пустошами.

По сравнению с горными склонами многочисленные долины выглядели настоящими оазисами: сотни ручьев и небольших, но бурных рек еще в древности прорезали горный массив извилистыми ущельями, затем время и процессы эрозии постепенно разрушили отвесные стены, превращая их в пологие, поросшие густым кустарником склоны плодородных долин, где в тени деревьев обитали различные представители животного мира многих неизвестных человечеству планет, завезенные сюда еще логрианами.

Здесь же, врезанные в горные склоны или раскинувшиеся на плоскогорьях, изобиловали руины древних городов и укрепленных пунктов, построенных логрианами (черные как смоль цитадели инсектов располагались в иных широтах планеты, где преобладал теплый, влажный климат).

Изредка на открытых пространствах каменистых пустошей взгляд лейтенанта различал хорошо сохранившиеся мегалитические строения. Все подобные постройки отмечали места, где Вертикали гиперсферы, при совпадении определенных условий, пересекались с поверхностью Первого Мира. Некоторые из древних порталов функционировали постоянно, часть включалась периодически, по неразгаданной

пока схеме, иные вовсе не проявляли никакой активности. Было известно, что среди монументальных построек есть и такие, что связывают между собой планеты Ожерелья гиперпространственными тоннелями, но выделить их из общего количества древних сооружений пока что не удавалось.

Собственно, патрули ВКС Конфедерации, контролирующие в силу своих возможностей всю протяженность горной страны, отправлялись в рискованные вылеты или пешие марш-броски именно с целью фиксации активных порталов, а также поиска различных поселений, в том числе и человеческих.

Исследование горной страны, где концентрировалось девяносто процентов построек, возведенных логрианами, и наличествовали небольшие, зачастую скрытые растительностью, хорошо замаскированные поселения различных разумных либо предразумных существ, доставленных сюда еще в древности, играло исключительно важную роль в глобальной программе исследования Первого Мира. После уточнения картографии очередного района или обнаружения активного портала сюда высылались научные экспедиции, по крохам собирающие и восстанавливающие древние знания.

Однако сегодня вылет десантной группы был связан не с плановым патрулированием местности. Вертолет целенаправленно шел к мертвой долине, где среди руин логрианского города протянулась цепь мегалитических сооружений.

Охотник-одиночка из числа людей накануне вышел на

связь, но передать какие-то важные данные не успел, лишь сообщил о своем местонахождении.

С охотником-одиночкой лейтенанту Шершневу встретиться не доводилось. Лишь командир гарнизона Первого Мира полковник Кречетов знал его лично и, инструктируя командира группы, особо указал, чтобы тот при встрече вел себя корректно: исследователей-одиночек, рисковавших путешествовать по горам, полагаясь лишь на свои силы, можно было сосчитать по пальцам. Слишком дикие, необжитые места, полные непредсказуемых опасностей, простирались вокруг. Подобные люди очень редко спускались к обжитым местам, но зато регулярно передавали ценнейшую информацию.

– Две минуты до точки высадки, – сообщил пилот.

Шершнев обернулся.

– Игорь, сканеры работают?

– Со сбоями. Надо было назначать встречу ночью.

– Не мы решаем, – ответил лейтенант. – Сергунов, Новак, приготовились!

Вертолет уже находился над руинами древнего города логриан. Сверху он был похож на высокую, широкую полуразрушенную стену, закрученную замысловатыми спиралями. Жилища логриан, напоминающие норы, располагались внутри стены, от поверхности земли ко входам в отдельные «квартиры» вели пологие пандусы, усеянные коническими выемками, в нескольких местах, окруженные все теми же

стенами, виднелись мегалитические сооружения.

Вертолет совершил посадку на окраине, где руины особенно пострадали от времени и недавних событий, когда тут было обнаружено затерянное поселение людей, осажденное ордой предразумных существ.

Шершневу прибыл на Арасту уже после того боя, но, пролетая при патрулировании над мертвой долиной, не раз видел его последствия – разбитая планетарная техника, остекленевшие воронки, оставшиеся от разрывов плазменных гранат, выщербленные пулями стены, разрушенные, частично сгоревшие постройки человеческого поселка...

Двое десантников, прыгнув на землю, тут же заняли позиции среди руин. Следом высадились Шершневу и Игорь Головешкин – компьютерный техник группы.

– На сканерах чисто. Энергетическая активность – ноль.

– Охотника не засек?

– Нет.

Шершневу сделал знак пилоту – взлетай.

Вертолет, вздымая клубы пыли, поднялся метров на тридцать, на миг завис в режиме автопарения, а затем начал удаляться, занимая заранее оговоренную позицию, с которой пилот контролировал всю долину.

– Ждем, – коротко приказал Шершневу.

Пыль едва успела улечься, как вдруг в рассветных красках от закругляющейся стены древнего города отделилась неясная тень.

Десантники не шелохнулись, оставаясь на позициях.

Еще несколько шагов, и смутная фигура начала материализовываться — охотник отключил мимикрирующее¹⁸ покрытие своей экипировки.

Внешне его можно было принять за десантника, но опытный взгляд галактлейтенанта уже уловил десятки отличий, например, охотник не пользовался сервомускулатурой, приводы и двигатели были просто демонтированы, что значительно облегчило броню, отсутствовали некоторые соединения, — таким образом, защитная металлокевларовая оболочка получила дополнительную пластичность, поверх экипировки располагался целый набор нештатных ремней, подсумоков и иных креплений для дополнительного вооружения и удобного ношения припасов. Кроме того, в гнездах, предназначенных для сканеров, были закреплены специальные адаптеры, от которых, причудливо изгибаясь над плечами незнакомца, тянулись цепочки, составленные из нескольких десятков логрисов¹⁹. Логр-компоненты²⁰ как бы жили своей жизнью: соединенные гранями кристаллы то вытягивались в ровные линии, то сплетались между собой, то без видимой

¹⁸ *Мимикрия* — способность некоторых организмов принимать окраску окружающей поверхности, сливаясь с фоном местности или отдельно взятого предмета.

¹⁹ *Логрис* — мини-компьютер, изобретенный расой логриан.

²⁰ *Логр-компоненты* — несколько (от трех и более) соединенных гранями логров. В зависимости от того, какими гранями они соединены, из нескольких логров можно собрать различные узкоспециализированные устройства, такие, как сканеры или устройства для записи и хранения информации любого типа.

причины отклонялись в разные стороны, закручиваясь в замысловатые, похожие на иероглифы фигуры.

Шлем БСК²¹ с поднятым проекционным забралом служил охотнику скорее защитой, чем средством получения информации и связи. Его лицо с характерным бронзовым загаром украшали несколько шрамов, глаза смотрели холодно, изучающе, в них не было ни опасения, ни любопытства.

Командир группы покинул укрытие.

– Галактлейтенант Шершнева. – Он протянул руку. – Можно просто: Сергей. Прислан полковником Кречетовым для встречи и детального выяснения обстановки.

– Урман, – коротко отрекомендовался охотник, ответив на рукопожатие.

У Шершнева аж дух захватило.

Неужели тот самый Урман Торн? Легендарный Урман, один из немногих офицеров первого гарнизона Арасты, сумевший, как и Кречетов, пережить «Сумерки», когда после внезапной активации процесса подвижки планет Ожерелья, – одной из неразгаданных тайн системы, – здесь творилось что-то невероятное...

Видимо, смятение отразилось на лице Шершнева.

– Спрашиваешь себя – тот ли Урман? – усмехнулся охотник. – Тот самый.

Шершнева смутился, хоть и не страдал отсутствием хладнокровия. Дело в том, что об Урмане ходили самые разные,

²¹ БСК – боевой сканирующий комплекс.

порой противоречащие друг другу слухи: одни говорили, что он дезертир, бросивший свой пост в самый тяжелый, критический период «Сумерек», когда невероятные существа, вырвавшиеся из внезапно заработавших порталов древней транспортной сети, атаковали первый гарнизон Арасты, другие утверждали, что именно Урман спас в том бою десятки жизней, а его, раненного, находящегося без сознания, уволокли в неизвестном направлении демоноподобные ксеноморфы, – говорили всякое, а вот где истина...

– Послушай, лейтенант, – Урман жестом предложил присесть на тянувшийся вдоль древней улицы запыленный каменный парапет, – я понимаю, ты сейчас в замешательстве. Слухи, что ходят обо мне, известны. Я не стану ни опровергать, ни подтверждать их. Достаточно, что твой командир полковник Кречетов мне полностью доверяет. Логично?

Шершневу кивнул.

Видно, настроение у Урмана этим утром было хорошее: он вдруг добродушно усмехнулся и, небрежным жестом оттолкнув за плечо изогнувшуюся перед лицом нить логров, пытающуюся крупным планом снять изображение галактейтенанта, произнес:

– Я увидел более глобальную цель в жизни, чем смотреть сверху, с борта проносящейся над скалами машины, на древние руины. Араста – уникальный мир. Здесь на каждом шагу я соприкасаюсь с таким количеством тайн и загадок, что порой самому становится жутковато. Но я по-прежнему служу

Конфедерации, приношу пользу общему делу. Поэтому ты можешь мне доверять.

– Мне достаточно и первого аргумента.

– Понимаю. Но Первый Мир тесен. Однажды мы с тобой можем встретиться не в такой спокойной обстановке. Так что не верь слухам. А теперь давай к делу. Вот. – Он вытащил из неприметного кармана логр. – Здесь запись, сделанная мной во время последней вылазки в дальние горы. Я обнаружил четыре изолированных человеческих анклага и еще три поселения неизвестных существ. В контакт с ними вступить не удалось. Находятся на низком уровне технического развития, но в прошлом они, несомненно, были более развиты, я обнаружил немало обломков неизвестных механизмов, некоторые достаточно сложны, но в нынешнее время их используют не по прямому назначению. Относительно людей: всем четырем поселениям требуется гуманитарная помощь. Они – потомки чудом выживших колонистов с борта нескольких сорвавшихся на Вертикали колониальных транспортов.

– Это всё? – машинально переспросил Шершнеф, взяв кристалл. Откровенно говоря, он был шокирован только что полученной информацией. За год регулярных полетов и локального прочесывания местности гарнизону Арасты лишь однажды удалось обнаружить поселение людей в горах. А тут сразу семь анклавов, три из которых образованы ксеноморфами!..

– Не все, но наиболее важная часть. Остальное, так, по мелочи – несколько неизвестных ранее логрианских дорог, проложенных через ущелья, два разрушенных города-крепости, семь новых мегалитических конструкций. Все нанесено на электронную карту. На словах передай Кречетову, что собираюсь пройти через хребты, посмотреть, что расположено по ту сторону гор. Если все будет нормально, вернусь месяца через полтора, раньше на связь выйти не смогу, сам понимаешь – аномалия. Пока наши ученые мужи не сконструируют ретрансляторы, адаптированные для местной энергетики, и не выведут их на орбиту, так и будем перебиваться весточками от случая к случаю.

– Я понял. Передам. – Лейтенант встал, убирая логр в герметично закрывающийся карман экипировки. – Может, помощь какая нужна? Припасы, спецсредства?

– Не волнуйся. Я на подножном корму, – усмехнулся Урман. – Тащить на себе лишние килограммы – только мучиться. Нет, пойду, как привык, налегке. Чистые логры для записи информации есть, патронов хватает, иммунную блокаду, правда, делал больше года назад. – Он взглянул на Шершнева. – Метаболические импланты²² есть?

– Конечно.

– Штук десять дай, не откажусь.

²² *Метаболический имплант* – автономное устройство, фильтрующее кровь и анализирующее ее биохимический состав. Обладает ограниченным ресурсом метаболических реагентов для борьбы с обнаруженными в крови вредными веществами и экзобиологическими микроорганизмами.

– Сейчас. – Галактлейтенант открыл один из клапанов экипировки, достал упаковку, содержащую двадцать пять различных метаболических имплантов – так называемый «набор выживания», – и протянул Урману. – Держи.

...В этот миг тишину древнего логрианского города внезапно вспорол звук трех раздавшихся почти одновременно автоматных очередей.

Урман резко развернулся, цепочки логров, словно живые, «прилипли» к экипировке, не мешая движениям охотника.

– Видишь улицу, лейтенант? Левее тридцать градусов – древний, неработающий портал. По прямой километра четыре. Звук шел оттуда.

Вновь тишину разорвали далекие трескучие выстрелы.

– Ну что стоим?! Бегом! – Урман первым сорвался с места, исчезнув среди иззубренных руин логрианского города.

Глава 2

Первый Мир. Окрестности древнего города

Мох и камни... Мох и камни... Мох и камни...

Пологий серо-зеленоватый с рыжими и белесыми подпалинами склон.

Камень твердый, мох пружинистый, следов на склоне во-век не отыщешь, но Гюнтер не обольщался – он знал, что преследователи в ближайшие мгновения появятся из портала, и ничто не помешает им визуально обнаружить беглецов. Мальчик испуганно сопел, стараясь не разрыдаться. Оба чувствовали: погоня близка, от нее не скрыться, но надежда, одна на двоих, умирать не хотела.

Древний пехотный дройд и перепуганный мальчонка – легкая добыча для озверелых убийц.

Гюнтер тщетно искал укрытие. Мелкие валуны, выросшие в каменистую почву, не подходят, да и Иван напуган до состояния тихой истерики, как его спрячешь за камень? Страх – он непредсказуем. Иногда заставляет сидеть тихо, покорившись судьбе, а порой придает сил – где гарантия, что в разгар боя мальчик вдруг не метнется бежать, несмотря на отключенную сервомускулатуру скафандра?

Нет такой гарантии.

Проклятый склон. Гюнтер уже понял, что допустил тактическую ошибку, но, дезориентированный мгновенным гиперпространственным переходом, перекинувшим его и Ивана с одной планеты на другую, он побежал прочь от портала, не задерживаясь ни на секунду. Ему бы оглядеться (встроенные сканеры по непонятной причине дружно дали сбой), тогда он увидел бы руины странных сооружений, похожих на выстроенную безумным архитектором, закрученную сотнями стен-спиралей крепость, расположенную в долине.

Поздно.

Реактор уже вышел на девяносто процентов мощности, но пыль мертвого безвоздушного мира, даже после технической продувки оставшаяся в сервомоторах и приводах, сейчас резко дала о себе знать – все механизмы работали на износ, он внутренней командой подключил аварийные системы, но пока что без толку...

Бледную вспышку гиперперехода Гюнтер скорее предугадал, чем увидел, – резко развернувшись лицом к portalу, защищая мальчика своим корпусом, он отчетливо рассмотрел, как среди черных столбов появились сразу три фигуры в боевой броне.

Он дал короткую очередь из «АРГ-8», выстрелы в стильной тишине сиреневого рассвета прозвучали отчетливым, оглушительным стаккато, наемники мгновенно попрятались, но одного он точно задел, причем основательно, иначе почему в ответ ударили только два автомата?

Пули с визгом рикошетили о камень, выбивали султанчики пыли и крошки в нескольких метрах ниже по склону; стрелки они тоже так себе – дистанция приличная, но бьют длинными, неэкономными, бестолковыми очередями. Чувствуется, что боевого опыта мало, а вот звериной злобы – хоть отбавляй.

Задавят численным перевесом. Они уверены, что беглецам не уйти, потому не торопятся, ждут, пока все наемники пройдут портал. Голый каменистый склон – как на ладони, а до гребня возвышенности еще метров сто.

Вновь полыхнула бледная вспышка внепространственного перехода, выталкивая в реальность незнакомого мира новые фигурки преследователей.

Гюнтер уже не бежал – двигался скорым шагом, – спиной вперед, при неработающих сканерах сложно поддерживать равновесие и сохранять ориентацию, но иного выхода нет, слишком велик риск подставить под шальную пулю перепуганного насмерть мальчонку, вот он и отступал быстрым шагом, постоянно огрызаясь короткими очередями, не давая преследователям высунуться из укрытий, удерживая их в напряжении и страхе. Когда рядом корчится в пыли раненый подельник, а малейшее движение влечет короткий, хлесткий ответ, голову не больно-то поднимаешь – это ощущение Гюнтер запомнил хорошо, еще с тех пор, когда необстрелянным юнцом его закрутил кровавый вихрь Галактической войны...

Еще одна вспышка.

Всё, полезли. Теперь их девять, сейчас придут еще трое...

Гюнтер с трудом одолел последние метры склона – серводвигатели едва ворочались, внутри при каждом движении раздавались неприятные скребущие звуки.

Оглянувшись, он в первый момент не поверил своему зрению: сразу за гребнем виднелся покосившийся забор, над которым возвышались потемневшие от времени постройки.

Строения принадлежали людям, но сейчас явно пустовали.

Четыре дома, сложенные из пористого камня, нежилые, угрюмые, потемневшие и обветренные. С одной стороны, они слишком приметны, чтобы укрыться от погони, с другой, если там есть подвал, куда можно спрятать мальчика, то лучшей позиции для обороны и не придумаешь.

Дрожащие от напряжения руки ребенка крепко вцепились в Гюнтера.

– Медленно, плавно расцепляй ладошки. Сделай движение, как будто моешь руки!

– Донеси меня... Не бросай тут...

– Я тебя не брошу. Только спрячу. Делай, как говорю!

Каждый шаг давался Гюнтеру с трудом. Необходимо срочное техническое обслуживание, тестирование, идет явная наработка на отказ застоявшихся без движения механических частей искусственного человекоподобного тела.

Дом.

Он приближался, заслонял действительность, превращался в главенствующую деталь реальности, дом давно покинутый, уже погибший – вон даже сегменты солнечных батарей на крыше разбиты, покрыты грязью, что несли с собой ветра и непогода неведомого мира.

Скрипнув, нехотя сдвинулась по направляющим дверь.

Вот и пришли. К добру или к худу, но пришли. Они близко, мимо не проскочат, нужно спрятать мальчика и подготовиться к встрече.

Гюнтер не раздумывал. Он действовал. Спасти ребенка, даже пожертвовав собой, для него – уже не вопрос, – сознание успело вновь переродиться, хоть он еще не вырвался из цепких объятий *той* войны, по-прежнему мыслил категориями давно канувшей в Лету эпохи, но приоритеты уже сместились, он не воспринимал сейчас роковой безысходности, что владела им перед гибелью, много веков назад, – Шрейб, словно в искупление прошлого, был готов жертвовать, отвергая все, начиная от потуг боевых программ на перехват управления до неистового, очнувшегося вдруг желания жить, существовать и дальше, пусть в таком теле, все равно как...

Его рассудок балансировал на тонкой грани между холодным расчетливым бездушием, присущим боевому сервомеханизму, и горячими, обжигающими разум чувствами, принадлежащими восставшему из небытия человеческому разуму.

Непрочное строение... – мысленно отметил он, заходя в здание.

Камень пористый, облицовка пластиковая, стены между комнатами тонкие. Тепло– и звукоизоляция отличная, а вот прочности в них нет.

– Холодно... – пожаловался Иван. Он уже расцепил руки, безвольно сполз на пол, и на самом деле его била нервная дрожь.

– Потерпи. Посиди минутку.

Тот стоически кивнул, продолжая дрожать.

Близко они. Уже очень близко.

Гюнтер бегло осмотрел смежные помещения, метнулся в одну комнату, другую, пока не отыскал заветный люк в полу и, открыв его, приказал:

– Лезь вниз и сиди там, не высовывайся, что бы ни случилось! Ты понял?

– А ты? – Ломкий голос Ивана лишь придал Гюнтеру решимости.

– Я справлюсь! Полежай же!

Иван подчинился.

Шрейб испытал облегчение, когда люк в полу закрылся. Теперь мальчик в безопасности. По крайней мере, не угодит под шальную пулю.

Реактор – девяносто пять процентов. Уже лучше. По системе кинематики пошла резервная графитовая смазка, работали, наконец, аварийные датчики износа.

Он метнулся в простенок между окнами.

Автоматическую «римповскую» винтовку системы гениального Ганса Герверта – сокращенно «АРГ-8», разработанную под усиленный бронебойный патрон, Гюнтер перезарядил еще на подступах к дому и теперь был готов действовать.

Внезапно заработали отключившиеся после гиперперехода встроенные сканеры, транслируя на внутренний дисплей перед «мысленным взором» Гюнтера силуэты наемников, бегом преодолевающих склон.

Врагов одиннадцать. Один прихрамывает, двенадцатый, похоже, так и остался лежать у портала.

Бегут нагло, не скрываясь, видно, чувствуют себя полнейшими хозяевами положения, ничего не боятся, никого не опасаются.

Пока что их блокирует склон.

Гюнтер бегло осмотрел участок двора перед окнами. Несколько покосившихся строений хозяйственного предназначения, местами разбитый в щепу, зияющий прорехами пластиковый забор, остов почвоукладчика – нежелательное укрытие, способное сыграть на руку атакующим.

Шрейб долго не раздумывал. Нечеткие, смазанные сигнатуры растянулись по склону, результат сканирования продиктовал естественное решение: Гюнтер видел, что некоторые из наемников шли, заметно отстав, опираясь на приклады оружия, они сейчас не являлись единой боевой группой – такой ситуацией грех не воспользоваться при численном

перевесе противника.

Он осторожно, стараясь не производить шума, выдавил раму, поставил ее у стены, выпрыгнул в окно и, пробежав мимо почвоукладчика, ничком упал на землю, затем дополз до прорехи в заборе, который тянулся почти по гребню возвышенности, привстал на одно колено и...

Сухие, трескучие, короткие очереди вновь разорвали утреннюю тишину, в ответ раздался продублированный динамиками внешней аудиосистемы протяжный вопль, один из боевиков покатился вниз по склону, два других рухнули как подкошенные, остальные после секундного замешательства открыли беспорядочный ответный огонь, но Шрейб уже находился в глубине двора, за почвоукладчиком, и предназначенные ему пули лишь без толку крошили камень и валили целые секции покосившегося пластикового ограждения.

Тишина наступила внезапно.

Сигнатуры, отслеживаемые сканерами, остановились на склоне, вне зоны прямой видимости, – боевики справедливо опасались очередной ловушки. Теперь уже наемники оказались в невыгодном положении, они недооценили противника и поплатились за это, потеряв, в общей сложности, четверых.

Цепь преследователей выровнялась, подтянулась, они как будто вспомнили, что у них тоже есть сканеры.

Захлебнувшаяся в зародыше атака не возобновлялась.

Чего они ждут? Пока я снова высунусь, поставив себя под огонь? Пехотный дройд, может быть, так и поступил бы,

но Шрейб не собирался допускать роковых ошибок.

И все же он что-то упустил. Слишком долго они там выжидают. Почему не разделились на группы, не стали обходить по флангам?

Ответ пришел в виде одной плазменной и нескольких осколочных гранат, внезапно по короткой дуге пролетевших над обломками разбитого пулями ограждения и вкатившихся во двор.

Гюнтер успел нырнуть в узкую щель между корпусом древней машины и мощным бульдозерным ножом, в следующий миг в нескольких метрах от дома полыхнула нестерпимая вспышка разрыва плазменной гранаты, вторя ей, вздыбились султаны камней и пыли, удары осколков о металл отдавали протяжным звоном, те, что пробивали стены дома, издавали глухие, вязкие звуки; на миг пространство внутреннего двора вскипело, затем внезапно вспыхнула крыша строения, факелами занялись хозяйственные постройки, сканеры дали очередной сбой, теперь из-за внезапной тепловой засветки, и Шрейб, покидая неудобную позицию, метнулся к основному строению, вновь полагаясь лишь на зрение и опыт.

На этот раз наемники сработали слаженно и грамотно, поднявшись в атаку сразу за волной взрывов, прошивая пространство двора непрерывным автоматическим огнем.

Гюнтера дважды с силой ударило в спину, бронированный кожух выдержал лишь одно попадание, вторая пуля пробила

его, застряв в сантиметре от бронепластиковой капсулы, защищающей программно-аппаратное ядро системы.

Он резко обернулся, дал длинную отсекающую очередь, прыгнул в окно, вслед ему хлестко ударили два автомата, осыпав Шрейба крошевом пористого камня и расщепленного пластика.

Крыша дома горела, но мальчику, затаившемуся в подвале, начавшийся пожар пока что не угрожал.

Еще несколько разрывов ударили под самыми окнами, выбивая рамы, сотрясая здание, Гюнтер понял, что боеприпасов у боевиков в избытке, они больше не полезут под пули, просто попытаются забросать его гранатами, чтобы потом без помех заняться мальчишкой.

Он интуитивно предугадал развитие событий: резко выпрыгнул, показавшись в оконном проеме, заметил двух боевиков, привставших из-за изрешеченного пулями остова почвоукладчика, чтобы метнуть гранаты в окна, и успел отработать на упреждение – «АРГ-8» в руках Шрейба дважды мягко ударила отдачей в плечо, оба наемника упали, один выронил гранату, второй так и рухнул, не разжав пальцев, и спустя мгновение два взрыва полыхнули в десятке метров от дома, изрешетив осколками тех, кто скрывался за изувеченным терраформером²³.

Воспользовавшись замешательством противника, вновь

²³ *Терраформер* – общее название машин, предназначенных для преобразования колонизируемых планет.

понесшего неожиданный урон, Гюнтер метнулся вдоль длинной комнаты, на миг появляясь в каждом окне; еще двое боевиков упали – беспощадные, короткие очереди пробили забрала их гермошлемов, но ураганный ответный огонь уже следовал по пятам за Шрейбом, кто-то наиболее сообразительный бил на упреждение, бронебойные пули крошили камень, выбивали в нем дыры величиной с кулак, поднимали желтовато-белесую пыль.

Все происходило гораздо стремительнее, чем поддается описанию.

За пару секунд Гюнтер заработал еще несколько незначительных повреждений, в основном от шального разлета пуль; сдерживать натиск наемников стало труднее – наименее опытных он уже выбил, оставшиеся четверо рассредоточились по двору, открывая шквальный огонь по малейшим признакам движения, затем двое из них сообразили, что выгоднее стрелять по сигнатуре, – сканеры их экипировки оказались мощнее устаревших систем обнаружения пехотного андроида, и тут Гюнтеру пришлось совсем туго: автоматные очереди пробивали камень кладки, пули с визгом рикошетили от бронированных кожухов, неумолимый шквал огня и металла следовал за ним, не позволяя огрызнуться в ответ.

Он отпрянул в глубь помещения, затем, изображая критическое повреждение, рухнул на пол – отступить за пределы здания, совершая обходной маневр, ему не позволило беспокойство за Ивана, который вполне мог послушаться приказа

и высунуться из подвала.

Уловка удалась – наемники прекратили огонь. Двое из них рванулись к окнам, зашвырнув внутрь помещения гранаты, но Шрейб не шелохнулся – падая на пол, он предусмотрел такую вероятность и минимально защитил себя обломками массивного металлопластикового стола.

Взрывы разметали по комнате жалкие остатки мебелировки, подожгли пластик облицовки, большинство осколков ушло вверх и в стороны, но досталось и Шрейбу – кожух правой ноги принял не меньше пяти попаданий, на внутреннем дисплее промелькнули зловещие коды ошибок, полученных при мгновенном тестировании сервомоторов.

Он стоически ждал, переключив передатчик на заранее известную частоту.

Оказывается, Золотцев все еще жив, его рычащий окрик поднял троих наемников из-за укрытий.

– Проверить здание! Дройда добить! Ищем мальчишку!

Его подчиненные нехотя, огрызаясь, будто псы, все же выполнили приказ. Все трое пролезли в окна, окружив Гюнте-ра.

Он ждал, плавно понижая мощность реактора.

Неподвижность андроида и явное «угасание» сигнатуры на сканерах успокоило боевиков.

– Все в порядке, – доложил один из них. – Серв готов. Сигнатура гаснет.

– Отлично. – Голова и плечи Золотцева показались над

разбитым пластиковым подоконником. — Мои приказы нужно исполнять *буквально*, уроды! — запрыгивая в помещение, хрипло произнес он.

— А куда ему стрелять-то? В голову?

— В грудь, придурок! — Золотцев вскинул автомат.

Как хотелось Гюнтеру оставить его в живых, по крайней мере до того момента, пока не выяснится имя заказчика, но, спасая мальчика, он пошел на крайний риск... и ситуация обернулась против. Видно, судьба уже истощила свое терпение в отношении Игоря Золотцева.

Ствол автомата остановился на уровне груди Шрейба, и в этот миг руки андроида, сжимавшие «АРГ-8», внезапно ожили — оружие лишь слегка изменило положение, выплюнув в голову предводителя наемников короткую очередь.

Трое оставшихся в живых боевиков на секунду замешкались, но Гюнтера подвел поврежденный осколками гранат сервомотор — он успел свалить лишь одного, двое других резко отпрянули в стороны, обрушив на Шрейба шквал огня.

Пули молотили по броне, пробивали ее, Шрейб, совершив усилие, рывком привстал на колени, оборвав двумя одиночными выстрелами безумную вакханалию, но поздно — он сам уже не мог двигаться, разве что продолжал мыслить — треснувшая от нескольких попаданий бронепластиковая капсула все же предоохранила ядро системы от критических повреждений, но сервомоторы не работали, на тест откликался лишь привод правой руки...

Ничего... Раз двигается рука, значит, выберемся...

В следующий миг зрение Гюнтера внезапно помутилось.

Последним, что он успел осознать, – была огромная, на-
верное, преувеличенная его рассудком багровая надпись:

Сбой системы. Попытка перезагрузки...

* * *

Как бы ни торопились Урман и Шершнеф, подоспели они, как говорится, к шапочному разбору.

Урман сделал первую остановку еще на склоне, задержавшись подле мертвых боевиков. Лейтенант догнал его, успел взглянуть на аккуратные, будто просверленные отверстия в дымчатых забралах гермошлемов и, покачав головой, заметил:

– Снайпер по ним работал, что ли?

Урман отрицательно покачал головой.

– Калибр не тот. Это попадание короткой очереди из «римповской» автоматической винтовки. Стреляли оттуда, – он жестом указал на вершину склона.

Шершнеф лишь хмыкнул, прикинув расстояние до позиции стрелка. Дистанция великовата, учитывая, что огонь велся из «АРГ-8».

– Погнали, лейтенант, – подстегнул его Урман. – Что твоя «вертушка»?

– Пилоту приказано оставаться в точке.

– Технику бережешь? – в голосе охотника прозвучало явное осуждение.

– Берегу, – помрачнев, признал Шершнев.

За рухнувшим, иссеченным осколками ограждением пузырились сгоревшие хозяйственные постройки, выполненные из нетленного, но уязвимого по отношению к огню материала. Крыша ближайшего из четырех некогда жилых домов провалилась внутрь, истекая черным дымом, стена здания, изрешеченная пулями, щерилась множеством сквозных пробоин. Во дворе в неестественных позах среди луж расплавленной пластмассы разбросаны тела, облаченные в современную боевую гермоэкипировку.

Шершнев насчитал семь убитых, включая тех, что остались лежать на склоне.

Урман, осмотрев двор, негромко произнес:

– Опоздали. Осторожнее, лейтенант, кто-то наверняка остался в доме. Контролируй окна, прикрывай, я пошел внутрь.

– Может, вместе?

– Справлюсь. – Охотник, низко пригибаясь, коротким рывком преодолел расстояние до стены дома и вжался в посеченный осколками простенок между окнами.

Еще секунда, и цепочки логр-компонентов, отделившись от экипировки Урмана, изогнулись, заглянув в оба оконных проема.

– Чисто, – раздалось по связи. – Тут, похоже, вышла ни-

чья... – голос Урмана прозвучал озадаченно.

Шершневу подтянулся к нему, взглянул через разбитый оконный проем в помещение.

Четыре тела в уже знакомой боевой гермоэкипировке лежали на полу, в безвольных позах, чуть дальше к стене привалился изрешеченный пулями древний пехотный сервомеханизм.

Лейтенант перепрыгнул через оплавленный разрывом плазменной гранаты подоконник, взглянул на мертвые тела, узнавая характерный почерк, – роковые попадания зияли небольшими входными отверстиями в забралах гермошлемов, – затем перевел взгляд на пехотного андроида.

– Он один их завалил?

– А ты видишь тут еще кого-то? – вопросом на вопрос ответил Урман, которого почему-то сильно заинтересовал древний механизм. Он склонился над ним, позволяя цепочкам, набранным из логров, причудливо изгибаться, сканируя андроида.

– Необычный серв, – наконец произнес он, выпрямляясь. – Приводы перебиты, но ядро системы уцелело. Идет попытка перезагрузки.

Шершневу молча поднял автомат.

– Добить собираешься?

– А что ты предлагаешь? У меня четкие инструкции относительно реликтовых боевых машин. Уничтожать на месте.

– Не торопись, лейтенант. – Урман указал компенсатором

оружия на небольшой выступ в правой височной части металлопластикового черепа боевой машины, где у человека обычно расположен стандартный вживляемый еще в роддоме имплант²⁴. – Андроиду интегрирован кристалломодуль «Одиночка».

– Носитель человеческого сознания? – Шершневу скривился. – Не верю я в эти сказки. – Он искоса взглянул на Урмана и нехотя добавил: – Ладно, кристалломодуль заберу, техники разберутся.

– Говорю, не торопись. Или у тебя проблемы с реликтовыми машинами?

– Какие проблемы? – не понял Шершневу.

– Ну, фобии или еще что-нибудь?

– Да нет у меня никаких фобий! Ты вокруг посмотри. Тут человеческих трупов навалом, а ты о сервомеханизме беспокоишься.

– Жизнь – сложная штука, – невозмутимо ответил охотник. – Вот ты с точки зрения здравого смысла можешь пояснить, почему боевой дройд *убегал* от них?

Шершневу невольно задумался.

Кто эти люди? Как попали сюда? Зачем преследовали пешотного андроида, и главное – Урман скупой, но точно обри-

²⁴ *Стандартный имплант* – позволяет человеку отдавать мысленные дистанционные приказы различным кибернетическим системам (в основном, бытовым), соединяться с сетью Интерстар, принимать информацию по коммуникационным каналам. При этом имплант сконструирован таким образом, что любая попытка внешнего воздействия на мозг человека тут же блокируется.

совал абсурдность ситуации – почему боевая машина, запрограммированная на уничтожение противника, вдруг бросается в бегство?

О программном эквиваленте инстинкта самосохранения, заложенном в систему дорогостоящих сервов, он, конечно, слышал, но взгляд лейтенанта еще во дворе и на склоне подметил по расположению тел и характеру роковых попаданий, что погибшие являлись далеко не элитными бойцами. Они действовали весьма прямолинейно, пытаясь задавить одинокого серва численным перевесом и огневой мощью.

– Действительно, странно, – нехотя согласился лейтенант. – Зачем он бежал от них?.. И почему решил принять бой именно тут?

– Вот я и говорю, не торопись, – кивнул Урман. – Дай ему перезагрузиться.

В этот момент в соседнем помещении раздался резкий скрипящий звук, словно приоткрылась закрепленная на петлях дверь, и в следующую секунду в разгромленное помещение внезапно выскочил мальчик лет десяти. Надетая на него гермоэкипировка была явно размера на два больше, чем нужно, забрало гермошлема поднято, на бледном лице ребенка застыл испуг, замешательство – он в растерянности огляделся вокруг и вдруг бросился к неподвижному андросиду, прильнув к нему с истошным вскриком:

– Дяденька, не убивайте Гюнтера! Он хороший!.. Он мне жизнь спас!.. Дяденька!.. – Тело мальчика сотрясилось от ры-

даний. – Он меня на себе нес!..

– Успокойся. – Урман присел на корточки. – Так это твой андроид? А ты сам как тут оказался?

– Меня украли! Вот эти... – мальчик слабым жестом указал на неподвижные тела.

– Так. – Шершневу опустил автомат, отступив на шаг в сторону. – Давай по порядку. Никто твоего серва не тронет. Как тебя зовут?

– Иван... – всхлипнул мальчонка, но тут же, преодолев робость, дерзко взглянул на лейтенанта и добавил: – Моя фамилия Столетов. Я сын сенатора планеты Грюнверк.

– Мальчика не трогайте! – Внезапно, будто удар грома, прозвучал четкий синтезированный голос машины.

– Гюнтер! Ты жив!..

– Можно сказать и так. – Андроид шевельнул правой рукой, но лейтенант оказался проворнее, ногой откинув его оружие. Дройд с надрывным звуком сервомотора чуть повернул голову и произнес, обращаясь к Шершневу: – Я не опасен.

– Сомневаюсь.

– Боевые программы блокированы, – упрямо настаивал дройд. – Я Гюнтер Шрейб, капитан, командир отдельного механизированного взвода триста двадцать четвертого сервбатальона ВКС Земного Альянса.

– Даже так? – присвистнул галактлейтенант. – А ты в курсе, что Галактическая война давным-давно завершилась ка-

питуляцией Альянса?

– Догадываюсь.

– По какой причине ты стал спасать мальчика? – вступил в разговор охотник.

Гюнтер опять чуть повернул голову.

– А ты бы прошел мимо?

– Хороший ответ, – одобрительно кивнул Урман. – Как попал на планету?

– Прошел через гиперпространственный тоннель.

– Это правда? – охотник посмотрел на Ивана.

– Правда. Меня держали в старом корабле. На другой планете, где нет воздуха.

Урман и Шершнев переглянулись, затем отошли в сторону.

– Дройд и правда непростой, – произнес лейтенант. – С мальчиком понятно, сейчас окажу ему первую помощь, потом заберу на базу. А как быть с сервом?

– Теперь ты уже не можешь его добить, – усмехнулся охотник. – Тебе ведь известен прецедент Юноны?²⁵

– Известен.

– Вот и забирай его. Пусть командование разбирается, что делать. Ко всему прочему он обладает информацией по порталу, связывающему между собой Первый Мир с одной из планет Ожерелья. За подобными сведениями годами без тол-

²⁵ Подробнее о цивилизации машин на планете Юнона в романе «Душа Одиночки».

ку гоняешься, а тут – прямо в руки, на блюдечке.

– Ладно, не надо меня уговаривать. Дройда заберу. Вертолет уже направляется сюда. Что скажешь об убитых?

– Мое мнение – группа наемников. Экипировка у них не самая продвинутая, порядком поизношенная, да и в бою они себя проявили не лучшим образом. Короче – сброд, нанятый для разовой акции. Мальчик наверняка говорит правду, а вот каким образом они попали сюда – это тебе придется выяснять самому, лейтенант. Мне, как понимаешь, задерживаться тут не резон.

– Я бы посоветовал спуститься по склону, – раздался голос Гюнтера. – Там внизу – раненый наемник. Он многое прояснит, если хорошо расспросить. Только сначала мальчику помощь окажите.

Лейтенант обернулся, хотел ответить Гюнтеру что-то резкое, но его голос был заглушен свистом вертолетных лопастей – это вызванная Шершневым машина садилась в пространстве внутреннего двора.

– Все будет хорошо, Иван... – Дройд коснулся руки мальчика. – Скоро увидишь отца. Можешь мне верить.

– Я тебя не брошу.

Гюнтер ничего не ответил. Его судьба сейчас висела на волоске и казалась самому Шрейбу весьма туманной.

Планета Грюнверк. Офис сенатора Столетова. Неделю спустя после событий на Арасте...

– Ну, и что мне прикажешь с тобой делать? – Роман Карлович Столетов, мощный, хотя и не атлетически сложенный мужчина лет пятидесяти, с хмурым видом посмотрел на изрядно потрепанного пехотного андроида.

Гюнтер в ответ лишь пожал плечами. Он понимал, что в данный момент его судьба полностью находится в руках Столетова-старшего. После того, как ему отремонтировали кинематику и залатали пробойны в корпусе, прошло два дня.

– Будь ты обычным, нормальным человеком, то уж поверь, нашел бы, как тебя отблагодарить за спасение сына. Жаль, что ты убил командира наемников, теперь заказчика уж не найти... – задумчиво, но с явным раздражением в голосе продолжал размышлять вслух сенатор.

– Так сложились обстоятельства, – ответил Гюнтер. – Времени на допрос с пристрастием у меня не было. Что касается моего сегодняшнего состояния, то напомним: прецедент решения Совета Безопасности Миров, касающийся планеты Юнона и обитающих там сервомеханизмов, – достаточно серьезный аргумент. Вы можете меня выгнать, послать куда подальше, но не более. Я носитель человеческого сознания со всеми вытекающими последствиями.

– Может, на Юнону и отправишься? – хмуро поддел его

Столетов.

– Может быть.

– Ладно, не обижайся. Внешний вид тебе, конечно, придется сменить. В современности существуют материалы, заменяющие устаревшую пеноплоть. Лайкорон, например. Хотя я не сильно разбираюсь в тонкостях современной биокибертроники²⁶, но компетентных специалистов найду.

– Внешний вид – не главное, господин сенатор.

– Если хочешь остаться, то внешний вид имеет значение, – возразил Гюнтеру Роман Карлович. – Ты вроде бы подружился с Иваном или я ошибаюсь?

– Насколько позволяла обстановка, мы подружились.

– А вот сын и слышать ничего не хочет о расставании с тобой. Такие дела. – Столетов без особого энтузиазма взглянул на Гюнтера.

– Понимаю. Но существует одна проблема: я был и остаюсь человеком военным. Психику не изменить. Вы просто не понимаете в полной мере, *какой* была та война. Я умирал и убивал. При встрече с вашим сыном обстоятельства сложились таким образом, что его спасение не шло вразрез с мо-

²⁶ *Биокибернетика* – отрасль науки, занимающаяся теоретическим обоснованием и разработкой биоматериалов, из которых изготавливают различные комплектующие для кибернетических механизмов. Вследствие явных успехов биокибертроники и поразительной схожести (но не идентичности) искусственной органики с ее визуальными (знакомыми людям) аналогами, такими, например, как пеноплоть, часто принимаемая за настоящий кожный покров, в разговорной речи на большинстве миров в отношении последних моделей человекоподобных машин стал общеупотребим термин «киборг» – кибернетический организм.

ими способностями. Но что я могу теперь? Играть с ним в игрушки? Водить Ивана в зоопарк?

Сенатор задумался. Ему, конечно, не впервой было общаться с человекоподобными механизмами, но одно дело современные дройды, и совсем иное – реликтовый пехотный сервомеханизм, да еще и с модулем «Одиночка». Не повезло парню... Сознание человека в механической оболочке – скверный синтез, чреватый опасными рецидивами.

– Послушай, Гюнтер, я действительно очень благодарен тебе за спасение сына. На самом деле ты не представляешь истинных границ моей признательности. Не возражай, выслушай сначала. Я предлагаю тебе буквально следующее: серию модернизаций, которые затронут только твой облик, а затем, когда ты станешь фактически неотличим от человека, я сделаю тебя телохранителем Ивана. Раз на его свободу и жизнь покушались однажды, значит, нечто подобное может произойти повторно. Как тебе предложение?

Гюнтер задумался.

А какие у меня перспективы? – спросил он у самого себя. Никаких. Так что и размышлять особо не о чем.

– Я согласен. Не понимаю лишь одного – почему вы доверяете мне? Я ведь далеко не мирная машина, да и человеческий характер у меня не из легких.

– Разумеется, – кивнул Столетов. – Но я думаю о другом: там, у корабля, внутри которого прятали Ивана, ты ведь делал выбор, верно? И вполне мог найти способ примкнуть к

группе подонков, похитивших его, или просто устранившись от проблемы. Но ты решил спасти моего сына. Теперь скажи, какая корысть была в том действии? Почему ты, получив информацию о двух порталах, ведущих в различные миры, не бежал на Ганио?

– Никакой корысти у меня не было, Роман Карлович. Признаюсь честно: я был зол, дезориентирован, но не настолько, чтобы позволить мальчику погибнуть или стать объектом вымогательства. Я офицер. Не знаю вашего мнения относительно Галактической войны, но могу заверить, что люди, воевавшие на стороне Альянса, чаще всего попадали в армию по принуждению. А уж потом, на поле боя, каждый сам разбирался, что к чему, делал собственные выводы, касающиеся войны, ее справедливости и прочего...

– Можешь не продолжать. Я прекрасно понимаю, о чем идет речь. В свое время ситуация, сложившаяся на Юноне и Везувии, получила широкую огласку. За человека прямо говорят его дела. В данном случае истина применима и к тебе, верно? – Сенатор сощурился. – Так ты принимаешь мое предложение?

– С благодарностью, – ответил Гюнтер. – Иван действительно нуждается в охране. И я смогу спокойно разобраться как в себе, так и в окружающей реальности. Надеюсь, время на реабилитацию мне дадут?

– Дадут, – кивнул Роман Карлович. – Широкой огласки дело не получило, о том, что ты являлся в прошлом пехот-

ным андроидом, будет знать лишь узкий круг лиц. Посмотрим, как ты вступишь в наше общество. Если все пойдет нормально, без срывов с твоей стороны, то лучшего телохранителя для сына я и помыслить не могу. По рукам?

– По рукам.

Столетов выдержал небольшую паузу, а затем задал мучивший его, не дающий покоя вопрос:

– И все-таки, Гюнтер, у тебя есть предположение, кто бы мог организовать похищение Ивана?

Шрейб задумался, но не надолго.

– В разговоре его похитителей прозвучала одна фраза: *если Столетов не заплатит, то заказчик приказал убить щенка.*

– Сволочи... И как ты оцениваешь подобный приказ?

– Нужно искать, кому *потенциально* выгодна смерть Ивана. Если, конечно, господин сенатор, в вашем прошлом нет мотива для чьей-то личной мести.

Столетов поначалу едва удержался, чтобы не вспылить. Слишком дерзко и прямо высказывался Гюнтер, но в конце концов сенатор сдержал эмоции.

– Враги у меня, конечно, есть, – произнес он, исподлобья глядя на Шрейба. – Но не настолько циничные, чтобы решиться на убийство ребенка. Да и те, о ком я думаю, выдвигали бы политические, а не финансовые требования, давили бы на меня в иной сфере. Нет, похищение, скорее всего, не связано с моей деятельностью на посту сенатора или греш-

ками бурной молодости.

– В таком случае мотив остается один – деньги.

– Почему убить, если я не заплачу?

– У вас есть дети, кроме Ивана? – поинтересовался Гюнтер.

– Еще два сына. Олмер и Дмитрий.

– Чем они занимаются?

– Димка еще очень мал. Ему только исполнилось три года.

А вот Олмер – мой сын от первого брака – недавно начал самостоятельный бизнес в секторе Корпоративной Окраины.

– *Свой* бизнес? – уточнил Гюнтер, сделав ударение на первом слове.

– Ну, если вдаваться в тонкости, то деньги дал я, и фирма формально принадлежит мне.

– Значит, в случае вашей внезапной... кончины наследство делится на три части?

– Да.

– В том числе и акции недавно открытой фирмы?

– Верно.

– Не стану навязывать вам своего мнения, Роман Карлович. Но подумайте на досуге, кому все-таки выгодна именно *смерть* Ивана. Иной ниточки, ведущей к заказчику, на мой взгляд, нет.

Сенатор еще более помрачнел.

– Я подумаю, – пообещал он.

Так для капитана Шрейба началась новая жизнь.

Его никто не задерживал на выходе из кабинета сенатора. Коридоры загородной резиденции Столетова были пусты, из окон (на Грюнверке считалось дурным тоном использовать настенные экраны) открывался великолепный вид на тщательно ухоженную лесопарковую зону.

Гюнтер прошел по коридору, спустился по расширяющейся книзу лестнице и, миновав огромный холл, так же беспрепятственно вышел на улицу.

Вокруг, куда ни посмотри, – океан зелени. Вековые деревья различных пород образовывали тенистые аллеи, по сторонам которых среди ухоженного кустарникового подлеска скрывались живописные поляны с небольшими водоемами, домиками раннего колониального стиля, беседками или же просто выложенными из дерна скамейками.

Он побрел наугад, куда смотрели глаза.

Сознание Гюнтера как будто опять распадалось на фрагменты восприятия. С одной стороны, древний пехотный андроид медленно брел среди зелени, машинально фиксируя обилие датчиков, искусно замаскированных среди листвы, с другой – возродившаяся душа капитана Шрейба испытывала трепет перед буйством природы – всё, что он помнил, было связано либо с перенаселенной техносферой мегаполисов Земли, либо с войной, и, наконец, третья, если можно так выразиться, «составляющая» вновь народившегося самосознания Гюнтера – некий синтез между логикой машины и чувствами человека – находилась в полнейшем замешатель-

стве.

Свернув с аллеи, он прошел через заросли незнакомого ему кустарника и, подчиняясь внезапному порыву, опустился в траву.

Он болезненно воспринимал свою неполноценность.

Как хотелось ему вдохнуть, ощутить запахи, осязать прикосновение настоящей, ничем не изуродованной *природы*, но, увы, пехотные сервомеханизмы оснащались только теми сенсорами, которые были необходимы для ведения боевых действий.

Конечно, встроенный газоанализатор в состоянии определить состав атмосферы, но прибору не отличить запах травы от аромата цветов, зато он мог с точностью определить, какой тип смазки был пролит на землю, или по составу дыма классифицировать подбитую технику...

Сложно передать словами не понятные ни человеку, ни машине чувства, зарождавшиеся сейчас в сознании Гюнтера.

Он погиб и возродился.

В нем осталось очень много от человека, чьи эмоции и мысли день за днем, в тяжких, иссушающих рассудок боевых буднях копировались в искусственные нейронные сети кристалломодуля «Одиночка» и навек остались там обрывками воспоминаний, фрагментами схваток, визуальными образами, лихорадочными, надрывными мыслями...

Я хочу дышать, чувствовать, ощущать мир, как ощущал его прежде...

Но, Гюнтер, ты обрел фактическое бессмертие, разве так сложно ради вечности поступиться некоторыми человеческими слабостями?

Это не слабости. Это то, за что я дрался, за что погибал...

За запах травы?

И за него тоже. За возможность жить, за то, чтобы однажды увидеть, ощутить мир своей полузадохнувшейся мечты, такой же зеленый и прекрасный, как простирающийся вокруг Грюнверк...

Рваные, спутанные мысли.

Ты выжил, ты обманул время, проведя столетия в энергосберегающем режиме, ты один из немногих, кто уцелел в той войне...

А я ли это?

Гюнтер задавал вопросы себе и сам же пытался ответить на них.

Я хочу жить, – упрямо, будто заклятие, повторял внутренний голос. – Хочу вернуть себе способность чувствовать всё, что ощущал и чувствовал раньше. И ради этого пойду на всё...

Сидя в траве, посреди парка, окружающего особняк сенатора Столетова, древний пехотный андроид с обрывками сознания человека обрел и сформулировал мечту.

Мечту, ради которой он был готов на многое.

В это же время, пока Шрейб бродил по аллеям парка,

осмысливая случившиеся с ним метаморфозы, Роман Карлович разговаривал по каналу гиперсферной частоты.

Нужно сказать, что сенатор Столетов, представлявший планету Грюнверк в Совете Безопасности Миров, на самом деле являлся весьма значительной политической фигурой и обладал огромным влиянием, которое никогда не использовал по мелочам и очень редко – в угоду амбициям. Да, он лоббировал интересы своей родной звездной системы и еще некоторых «молодых» колоний Окраины, где большинство населения составляли выходцы с «зеленой планеты»²⁷, но делал это в рамках закона.

Сейчас Роман Карлович, потрясенный произошедшими событиями, едва ли не впервые прибег к своему несомненному влиянию ради такой ничтожной проблемы, как адаптация потрепанного пехотного андроида к условиям современного мира, где к древним боевым машинам относились без опаски, лишь когда те находились за толстым стеклом музейных витрин.

Канал связи на гиперсферных частотах позволял сенатору и его собеседнику обмениваться голографическими изображениями, в результате чего в кабинете Столетова возникла фи-

²⁷ Как правило, большинство колоний пограничного космоса в период второй и третьей волны Экспансии не возникали в силу случайных обстоятельств. Теперь уже колонии «Первого Рывка», победившие в Галактической войне, окрепшие экономически, производили разведку дальнего космоса, создавая и финансируя первичные поселения на диких мирах, куда эмигрировала часть населения планеты-метрополии.

гура человека лет сорока пяти, опрятно и тепло одетого (на Дарвине сейчас властвовала зима), немного полноватого, но не обрюзгшего, с веселой искоркой заинтересованности во взгляде серых глаз.

– Что скажешь, Сергей Петрович? – вместо приветствия спросил Роман Карлович.

Голографическая фигура, сориентировавшись в обстановке кабинета, повернулась к сенатору.

– Случай неординарный, но я с удовольствием возьмусь помочь.

– Прямо «с удовольствием»? – иронично поддел собеседника Столетов.

У Сергея Петровича Романова, ведущего специалиста института биокибертроники, основанного на планете Дарвин правительством Грюнверка, не было ни одной причины, чтобы отказать в личной просьбе сенатору планеты-метрополии. Более того, он действительно был рад открывшейся возможности для проведения серии смелых, давно задуманных экспериментов.

– Может быть, я неверно выразился, господин сенатор, хотя для меня научные изыскания на самом деле – удовольствие. Наш институт, как вы наверняка знаете, занимается не только теорией, есть и свои производственные лаборатории. Единственное, в чем мы испытываем дефицит, так это в материале для экспериментальных исследований. Корпорации, производящие современные человекоподобные ма-

шины, опасаются постановки экспериментов. Они охраняют свои технологии и всячески препятствуют «нецелевому» использованию андроидов. Гюнтер для меня – идеальная кандидатура. Мы не раз обращались к правительству Юноны с просьбой дать нам небольшое количество сервов древнейших модификаций, но каждый раз получали вежливый, но твердый отказ, мотивированный тем, что мир Юноны уникален, там протекают процессы кибернетической эволюции, вторгаться в которые с современными технологиями непозволительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.